

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 1

январь

2025 г.

Выходит
ежемесячно

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 31 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 22 октября 2024 г.

Об утверждении арбитражных заседателей арбитражных судов субъектов Российской Федерации

В соответствии с пунктом 2 статьи 3 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ “Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации” (в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ) Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Утвердить на двухлетний срок полномочий арбитражными заседателями Арбитражного суда Республики Саха (Якутия):

Иванову Долгуяну Николаевну,
Михайлову Анну Викторовну,
Филиппова Дмитрия Васильевича.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА

Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 32 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 19 ноября 2024 г.

О признании утратившими силу и не подлежащими применению отдельных разъяснений по вопросам применения законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в судах

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, статьей 3 Федерального конституционного закона от 4 июня 2014 года № 8-ФКЗ “О внесении изменений в Федераль-

ный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” и статью 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации”, в связи с изменениями, внесенными в Налоговый кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 8 августа 2024 года № 259-ФЗ “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового ко-

декса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах”, постановляет:

1. Признать утратившими силу:

абзац четвертый пункта 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 года № 31 “О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений”;

пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 года № 50 “О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства”;

абзац первый пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 года № 17 “О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”;

абзацы первый и третий пункта 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 года № 17 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”.

2. Признать не подлежащими применению:

постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 марта 1997 года № 6 “О некоторых вопросах применения арбитражными судами законодательства Российской Федерации о государственной пошлине”;

абзац третий пункта 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2002 года № 11 “О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”;

пункт 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 января 2003 года № 2 “О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”;

абзац четвертый пункта 19 и абзац шестой пункта 35 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”;

пункт 29 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 52 “О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам”;

постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2014 года № 46 “О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 35 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 19 ноября 2024 г.

О прекращении полномочий арбитражного заседателя Арбитражного суда Хабаровского края

В соответствии с подпунктом 7 пункта 2 и пунктом 4 статьи 5 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ “Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации” Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

Полномочия арбитражного заседателя Арбитражного суда Хабаровского края Грищенко Светогора Михайловича, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2024 года № 8, прекратить досрочно.

*Председатель Верховного Суда Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА*

*Секретарь Пленума, судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 36 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 26 ноября 2024 г.

О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам

В связи с изменением законодательства, а также возникающими в судебной практике вопросами Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет внести изменения в следующие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

1. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 года № 45 “О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений”:

1) преамбулу изложить в следующей редакции:

“В целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за хулиганство и иные преступления, совершенные из хулиганских побуждений, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения.”;

2) абзац первый пункта 1 изложить в следующей редакции:

“1. В соответствии с законом уголовно наказуемым хулиганством может быть признано только такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершено с применением насилия к гражданам или с угрозой его применения, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, либо на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.”;

3) дополнить пунктами 1¹ и 1² следующего содержания:

“1¹. Хулиганство квалифицируется по пункту “а” части 1 статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее также — УК РФ), если грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождалось применением в отношении одного или нескольких граждан насилия либо угрозой его применения.

Под применением насилия как признаком хулиганства следует понимать нанесение побоев или совершение иных умышленных насильственных действий, соединенных с причинением потерпевшему физической боли, включая единичные уда-

ры, либо с ограничением его свободы (например, путем связывания, воспрепятствования выходу из помещения), не повлекших причинения вреда здоровью, а также умышленное причинение вреда здоровью потерпевшего.

В случаях, когда в ходе грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, умышленно причиняются средней тяжести или тяжкий вред здоровью либо смерть, содеянное дополнительно квалифицируется по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за преступление против жизни и здоровья, например по пункту “д” части 2 статьи 112, пункту “д” части 2 статьи 111 или пункту “и” части 2 статьи 105 УК РФ.

В качестве угрозы применения насилия при хулиганстве необходимо расценивать высказывания или иные действия лица, свидетельствующие о его намерении применить к конкретному человеку или неопределенному кругу лиц любое физическое насилие, в том числе состоящее в причинении тяжкого вреда здоровью или смерти. При этом содеянное охватывается пунктом “а” части 1 статьи 213 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 119 УК РФ не требует.

1². Обратить внимание судов на то, что пунктом “в” части 1 статьи 213 УК РФ предусмотрена ответственность за такое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, которое совершается на транспорте общего пользования, в том числе на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, обеспечивающем перевозки пассажиров (например, в вагоне пассажирского поезда, в самолете, на теплоходе). Иным транспортом общего пользования, указанным в пункте “в” части 1 статьи 213 УК РФ, в частности, являются пассажирские автобусы (городские, пригородные, междугородные, маршрутные такси), троллейбусы, трамваи.”;

4) пункт 2 изложить в следующей редакции:

“2. Под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в части 2 статьи 213 УК РФ, а также под применением взрывчатых веществ или взрывных устройств в части 3 статьи 213 УК РФ следует понимать умышленные действия, направленные на использование лицом в ходе совершаемого хулиганства указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на граждан, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия, предметов, используемых в качестве оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств.”;

5) пункт 3 изложить в следующей редакции:

“3. При решении вопроса о квалификации действий лица по части 2 статьи 213 УК РФ как хули-

ганства, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, или по части 3 статьи 213 УК РФ как хулиганства, совершенного с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств, судам следует при необходимости на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при хулиганстве предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели, взрывчатым веществом или взрывным устройством.

Если имеются к тому основания, действия лица, применившего при совершении хулиганства оружие, должны дополнительно квалифицироваться по статье 222 или статье 222² УК РФ.

Под предметами, используемыми в качестве оружия при совершении хулиганства, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека.

В случаях, когда в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, содеянное с учетом конкретных обстоятельств дела может быть квалифицировано по части 2 статьи 213 УК РФ по признаку применения предмета, используемого в качестве оружия.

Если при совершении хулиганства использовались взрывчатые вещества или взрывные устройства, находившиеся в незаконном обороте, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 213 УК РФ и статьей 222¹ УК РФ.”;

6) пункт 4 изложить в следующей редакции:

“4. Если лицо, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, угрожало гражданам заведомо для него негодным (неисправным, учебным и т.п.) или незаряженным оружием либо предметами, имитирующими оружие, например макетом пистолета, декоративным оружием, оружием-игрушкой, а равно заведомо непригодными для целевого использования взрывчатым веществом или взрывным устройством либо предметами, их имитирующими, не намереваясь использовать эти предметы, вещества, устройства для причинения вреда жизни или здоровью граждан, его действия (при отсутствии других квалифицирующих признаков, предусмотренных частью 2 статьи 213 УК РФ) с учетом конкретных обстоятельств дела могут быть квалифицированы как хулиганство, совершенное с угрозой применения насилия, ответственность за которое предусмотрена пунктом “а” части 1 статьи 213 УК РФ.”;

7) пункт 5 изложить в следующей редакции:

“5. При квалификации хулиганства по части 2 статьи 213 УК РФ как совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой необходимо учитывать положения статьи 35 УК РФ.

Хулиганство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение данного преступления, непосредственно участвовали в действиях, грубо нарушающих общественный порядок, выражающих явное неуважение к обществу, совершенных при обстоятельствах, указанных в

пунктах “а”, “б” и (или) “в” части 1 статьи 213 УК РФ. Хулиганство следует признавать совершенным группой лиц и в том случае, когда в процессе осуществления одним лицом указанных противоправных действий к нему с той же целью присоединилось другое лицо (другие лица).

При решении вопроса о квалификации хулиганства как совершенного группой лиц по предварительному сговору судам следует иметь в виду, что предварительная договоренность должна быть достигнута не только о совершении совместных хулиганских действий, но и о применении насилия к гражданам или о выражении угрозы его применения, либо о совершении таких действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы любым из соучастников, либо о совместном грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования. Для квалификации содеянного как хулиганства, совершенного с применением насилия или с угрозой его применения, не имеет значения, всеми ли лицами, договорившимися о совершении такого преступления, применялось насилие к гражданам или выражалась угроза применения насилия.”;

8) дополнить пунктом 5¹ следующего содержания:

“5¹. В случае если одно лицо в ходе совершения совместных противоправных действий, содержащих признаки мелкого хулиганства (статья 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), при отсутствии предварительного сговора с другими лицами применило насилие к гражданам или угрожало применить насилие к ним либо продолжило хулиганские действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте либо на любом ином транспорте общего пользования, содеянное им при наличии к тому оснований подлежит квалификации по соответствующему пункту части 1 статьи 213 УК РФ.

Действия других лиц, не связанных предварительным сговором и не применявших насилие к гражданам и не угрожавших его применением, если такие действия не состояли в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, совершенном по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а равно на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте либо на любом ином транспорте общего пользования, не образуют состава указанного преступления и могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство.”;

9) абзац второй пункта 7 изложить в следующей редакции:

“В тех случаях, когда сопротивление представителю власти оказано лицом после прекращения хулиганских действий, в частности в связи с последующим задержанием, его действия при отсутствии других квалифицирующих признаков подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных определенным пунктом части 1 статьи 213 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за совершенное преступление (например, по статье 317 или статье 318 УК РФ).”;

10) в пункте 9:

а) абзац первый изложить в следующей редакции:

“9. Хулиганские действия, связанные с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено насилие, опасное для жизни и здоровья, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных частью 2 или частью 3 статьи 213 УК РФ и частью 2 статьи 318 УК РФ.”;

б) в абзаце втором после слов “при сопротивлении лицу,” дополнить словами “не являющемуся представителем власти, но”;

11) пункт 11 признать утратившим силу;

12) в пункте 12:

а) в первом предложении абзаца второго слова “направленные против личности человека или его имущества,” исключить;

б) в абзаце третьем слова “при отсутствии иных признаков преступления, предусмотренного статьей 213 УК РФ” заменить словами “, если такие действия не были совершены в ходе грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу”;

13) пункт 13 изложить в следующей редакции:

“13. С учетом того, что субъективная сторона хулиганства характеризуется прямым умыслом, побой, причинение вреда здоровью человека различной степени тяжести, совершенные в семье, в отношении родственников, знакомых лиц и вызванные личными неприязненными отношениями, не правильными действиями потерпевших и т.п., при наличии к тому оснований должны квалифицироваться по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления против личности. В случаях, когда такие действия были сопряжены с очевидным для виновного грубым нарушением общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу, их следует квалифицировать как хулиганство, предусмотренное соответствующей частью статьи 213 УК РФ, при этом дополнительной квалификации по статье 115 или статье 116 УК РФ не требуется.”;

14) в абзаце втором пункта 14 слова “например, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия в отношении физического лица” заменить словами “например, с применением насилия или с угрозой применения насилия”.

2. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 9

“О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений”:

1) преамбулу изложить в следующей редакции:

“В целях обеспечения единообразного применения законодательства о назначении и об изменении видов исправительных учреждений Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, постановляет дать судам следующие разъяснения.”;

2) в абзаце втором пункта 2 после слов “независимо от” дополнить словами “категории преступления,”;

3) в пункте 3 слова “тяжкое преступление” заменить словами “умышленное тяжкое преступление”;

4) пункт 5 изложить в следующей редакции:

“5. В случае, если лицо мужского пола осуждено к лишению свободы на срок свыше пяти лет за совершение особо тяжкого преступления либо за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205², частью 2 статьи 205⁴, частью 1 статьи 206, частью 1 статьи 211, статьями 220, 221, 360 УК РФ, а также при особо опасном рецидиве преступлений и в соответствии с частью 2 статьи 58 УК РФ ему назначено отбывание части срока наказания в тюрьме, суду надлежит мотивировать принятое решение в приговоре и указать в его резолютивной части, какой срок наказания осужденный должен отбывать в тюрьме, и вид исправительного учреждения, в котором он должен отбывать оставшуюся часть срока лишения свободы. При этом суд засчитывает время содержания осужденного под стражей до вступления в законную силу обвинительного приговора в срок отбывания наказания в тюрьме из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания в тюрьме (пункт “а” части 3¹ статьи 72 УК РФ).

При принятии решения о назначении тюрьмы суд должен учитывать обстоятельства совершения преступления и личность осужденного, в частности количество совершенных им преступлений, их характер и степень общественной опасности; поведение до и после совершения преступления, данные о его поведении во время отбывания лишения свободы по предыдущим приговорам.

Исходя из положений части 2¹ статьи 58 УК РФ лицам мужского пола, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵, частями 2—4 статьи 206, статьей 208, частями 2—4 статьи 211, статьями 277—279, 281—281², частью 1 статьи 281³, статьями 317, 361 УК РФ, отбывание части срока наказания в обязательном порядке назначается в тюрьме. При этом по смыслу закона период отбывания наказания в тюрьме после зачета в него времени содержания под стражей должен составлять в любом случае не менее одного года со дня прибытия осужденного в тюрьму.”;

5) пункт 8 изложить в следующей редакции:

“8. Судам необходимо учитывать, что лицам женского пола, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных тяжких и особо тяж-

ких преступлений, независимо от вида рецидива преступлений отбывание лишения свободы назначается в исправительной колонии общего режима, а в остальных случаях, в том числе при осуждении за преступления небольшой или средней тяжести, совершенные при любом виде рецидива преступлений, а равно за тяжкие преступления, совершенные по неосторожности, — по правилам пункта “а” части 1 статьи 58 УК РФ, согласно которым отбывание лишения свободы назначается в колонии-поселении, если суд с учетом обстоятельств совершения преступления и личности виновного не примет мотивированное решение о назначении отбывания этого наказания в исправительной колонии общего режима.”;

б) пункт 11 дополнить абзацами девятым и десятым следующего содержания:

“ж) лицо, которое за совершенное им в несовершеннолетнем возрасте преступление отбывало наказание в виде лишения свободы в соответствующем исправительном учреждении;

з) лицо, осужденное к лишению свободы, освобожденное условно от дальнейшего отбывания наказания из исправительного учреждения в связи с прохождением военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время в соответствии со статьями 80² УК РФ и частью 8 статьи 173 УИК РФ.”;

7) в пункте 13:

а) абзац четвертый считать абзацем шестым;

б) дополнить абзацами четвертым и пятым следующего содержания:

“Вид исправительного учреждения назначается с учетом наличия определенного вида рецидива преступлений и в тех случаях, когда в соответствии с частью 2 статьи 63 УК РФ рецидив преступлений

не признается обстоятельством,отягчающим наказание, поскольку он предусмотрен соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве признака преступления (например, частью 2 статьи 116¹, пунктом “а” части 5 статьи 131, пунктом “а” части 5 статьи 132, частью 2 статьи 264¹ УК РФ). В этих случаях на наличие определенного вида рецидива преступлений также указывается в описательно-мотивировочной части приговора.

Аналогичным образом решается вопрос и при назначении вида исправительного учреждения по уголовному делу о преступлении, предусмотренном статьей 314¹ УК РФ, если при установлении в отношении лица административного надзора учтены все имеющиеся у него непогашенные и неснятые судимости.”;

8) в пункте 32:

а) абзацы второй, третий и четвертый считать абзацами третьим, четвертым и пятым;

б) дополнить абзацем вторым следующего содержания:

“Разъяснить судам, что по смыслу положений пункта “в” части 4 статьи 78 УИК РФ в случаях перевода осужденного, являющегося злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, из исправительной колонии общего, строгого или особого режима в тюрьму такое решение может приниматься судом неоднократно в пределах срока наказания, назначенного по приговору, и каждый раз на срок не свыше трех лет.”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
И.Л. ПОДНОСОВА*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. Прекращение договора страхования КАСКО влечет прекращение и договора страхования GAP, предусматривающего дополнительное страховое возмещение к страховому возмещению по договору КАСКО, вследствие невозможности наступления страхового случая по этому договору, а страхователь имеет право на возврат части страховой премии пропорционально тому периоду, на который договор GAP досрочно прекратился

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 16 апреля 2024 г. № 5-КГ24-15-К2*

(Извлечение)

Н. обратилась в суд с иском к САО “ВСК” о взыскании страховой премии, неустойки, штрафа и компенсации морального вреда.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований отказано.

Определением суда кассационной инстанции решение и апелляционное определение оставлены без изменения.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 25 октября 2020 г. Н. заключила с ПАО “Банк ВТБ” (далее — Банк) кредитный договор на покупку автомобиля на срок до 27 октября 2025 г.

25 октября 2020 г. между Н. и САО “РЕСО-Гарантия” заключен договор добровольного страхования автомобиля (КАСКО) на срок по 24 октября 2021 г. по рискам “ущерб” и “хищение”, выгодоприобретателем по которому при урегулировании на условиях полной гибели является Банк, в размере задолженности по кредиту, во

всех остальных случаях выгодоприобретателем является страхователь.

Согласно особым условиям договора КАСКО его неотъемлемой частью является дополнительное соглашение от 25 октября 2020 г., п. 2 которого предусмотрено, что если застрахован риск “дополнительные расходы — GAP”, то при наступлении страхового случая по этому риску размер страхового возмещения по варианту “страховая стоимость по договору” определяется как разница между страховой суммой на момент заключения договора и страховой суммой на момент наступления страхового случая по рискам “ущерб” на условиях полной гибели или хищения.

25 октября 2020 г. между Н. и CAO “ВСК” заключен договор страхования на условиях утвержденных страховщиком Правил страхования по продукту “Гарантия сохранения стоимости автомобиля” от 14 февраля 2020 г. № 173.2 (далее — Правила страхования GAP) со сроком действия с 25 октября 2020 г. по 24 октября 2023 г.

Страховая премия по договору уплачена за счет кредитных средств.

27 ноября 2020 г. Н. досрочно исполнила обязательство по кредитному договору и 24 февраля 2021 г. обратилась в CAO “ВСК” с заявлением о расторжении договора страхования GAP и возврате части страховой премии.

17 марта 2021 г. страховщик уведомил Н. посредством электронной почты о расторжении договора страхования GAP с 24 февраля 2021 г. и об отсутствии оснований для возврата уплаченной страховой премии.

29 ноября 2021 г. страховщик получил претензию о возврате неиспользованной части страховой премии и выплате неустойки за нарушение срока ее возврата.

14 декабря 2021 г. CAO “ВСК” уведомило Н. об отказе в удовлетворении ее требований.

Решением уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг от 14 февраля 2022 г. требования Н. к CAO “ВСК” о возврате части неиспользованной страховой премии и взыскании неустойки оставлены без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, сославшись на положения ст. 958 ГК РФ, указал, что кредитным договором не предусмотрена обязанность истца заключить договор страхования GAP в целях обеспечения исполнения ее обязательств по кредитному договору. Ссылаясь на пп. 11.6.1 и 11.6.2 Правил страхования GAP, суд указал на то, что страхователь имеет право на возврат части уплаченной страховой премии, если с даты заключения договора страхования до даты отказа от него прошло не более 14 календарных дней, а истец обратилась с соответствующими требованиями по истечении указанного срока.

С данными выводами суда первой инстанции согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 16 апреля 2024 г. пришла к выводу о том, что судебные постановления при-

няты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно ст. 958 ГК РФ договор страхования прекращается до наступления срока, на который он был заключен, если после его вступления в силу возможность наступления страхового случая отпала и существование страхового риска прекратилось по обстоятельствам иным, чем страховой случай. К таким обстоятельствам, в частности, относятся: гибель застрахованного имущества по причинам иным, чем наступление страхового случая, прекращение в установленном порядке предпринимательской деятельности лицом, застраховавшим предпринимательский риск или риск гражданской ответственности, связанной с этой деятельностью (п. 1).

Страхователь (выгодоприобретатель) вправе отказаться от договора страхования в любое время, если к моменту отказа возможность наступления страхового случая не отпала по обстоятельствам, указанным в п. 1 данной статьи (п. 2).

При досрочном прекращении договора страхования по обстоятельствам, указанным в п. 1 приведенной статьи, страховщик имеет право на часть страховой премии пропорционально времени, в течение которого действовало страхование.

При досрочном отказе страхователя (выгодоприобретателя) от договора страхования уплаченная страховщику страховая премия не подлежит возврату, если законом или договором не предусмотрено иное (п. 3).

Из установленных судами обстоятельств следует, что заключенный сторонами договор КАСКО прекратил свое действие 25 октября 2021 г., после чего Н. 29 ноября 2021 г. вновь обратилась к страховщику с требованием о возврате страховой премии по договору страхования GAP, возможность страхового возмещения по которому с прекращением договора КАСКО также прекратилась.

С учетом изложенного суду применительно к ст. 958 ГК РФ следовало дать оценку тому обстоятельству, что с прекращением действия договора КАСКО страхование, предусматривающее возмещение разницы между страховой суммой по договору КАСКО на момент наступления страхового случая и полной страховой суммой, утратило смысл, а сама возможность страховой выплаты по договору страхования GAP прекратилась.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала необоснованными выводы судебных инстанций о том, что договор страхования GAP прекратился на основании заявления Н. от 24 февраля 2021 г., поскольку в данном заявлении Н. просила прекратить договор страхования с выплатой части страховой премии за период досрочного прекращения договора, на что страховщик не согласился, а прекращать договор страхования без возврата части страховой премии страховщик в одностороннем порядке, в отсутствие соответствующего волеизъявления страхователя, был не вправе.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отмени-

ла решение суда первой инстанции, апелляционное определение и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. На сумму неосновательного обогащения подлежат начислению проценты, установленные п. 1 ст. 395 ГК РФ, с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2024 г. № 70-КГ24-1-К7

(Извлечение)

И. обратилась с иском к Департаменту имущественных отношений администрации г. Ноябрьска (далее — Департамент) о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 16 февраля 2015 г. по 2 декабря 2022 г., указав в обоснование, что 12 февраля 2015 г. между сторонами заключен договор мены с рассрочкой платежа (далее — договор мены), по условиям которого она передала ответчику принадлежащее ей на праве собственности аварийное жилое помещение, а ответчик передал в собственность истца пригодную для проживания квартиру. В соответствии с условиями названного договора истцом в период с 16 февраля 2015 г. по 16 января 2018 г. произведена доплата за жилое помещение в сумме 699 000 руб.

Решением городского суда от 14 июня 2022 г. условие договора мены о доплате признано действительным, с Департамента в пользу И. взысканы денежные средства в сумме 669 000 руб.

Указанное решение суда вступило в законную силу 4 октября 2022 г., денежные средства возвращены истцу 2 декабря 2022 г.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения определениями апелляционного и кассационного судов, требования удовлетворены частично: с Департамента в пользу И. взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами в сумме 8 617,81 руб. и судебные расходы. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции исходил из того, что проценты за пользование чужими денежными средствами подлежат взысканию с ответчика с момента вступления в законную силу решения суда о признании сделки недействительной и применения судом последствий недействительности сделки в виде взыскания неосновательного обогащения — с 4 октября 2022 г., поскольку неосновательность получения Департаментом денежной суммы по договору мены установлена только при рассмотрении судом иска о признании договора мены недействительным в части доплаты.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 26 марта 2024 г. пришла к выводу о том, что судебные постановления приняты с существенным нарушением норм права по следующим основаниям.

В силу ст. 167 ГК РФ недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения (п. 1).

При недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возвратить полученное в натуре (в том числе тогда, когда полученное выражается в пользовании имуществом, выполненной работе или предоставленной услуге) возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом (п. 2).

К требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке в силу подп. 1 ст. 1103 ГК РФ подлежат применению правила, предусмотренные главой 60 ГК РФ (“Обязательства вследствие неосновательного обогащения”), если иное не установлено Гражданским кодексом РФ, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений.

Согласно п. 1 ст. 1107 ГК РФ лицо, которое неосновательно получило или сберегло имущество, обязано возвратить или возместить потерпевшему все доходы, которые оно извлекло или должно было извлечь из этого имущества с того времени, когда узнало или должно было узнать о неосновательности обогащения.

На сумму неосновательного денежного обогащения подлежат начислению проценты за пользование чужими средствами (ст. 395) с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств (п. 2 ст. 1107 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 395 ГК РФ в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств” (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7), проценты, предусмотренные п. 1 ст. 395 ГК РФ, подлежат уплате независимо от основания возникновения обязательства (договора, других сделок, причинения вреда, неосновательного обогащения или иных оснований, указанных в Гражданском кодексе РФ).

В соответствии с п. 2 ст. 1107 ГК РФ на сумму неосновательного обогащения подлежат начис-

лению проценты, установленные п. 1 ст. 395 ГК РФ, с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств (п. 58 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7).

Согласно ч. 2 ст. 61 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица, а также в случаях, предусмотренных данным Кодексом.

Вступившим в законную силу решением суда первой инстанции от 14 июня 2022 г. установлено, что требование Департамента о доплате И. за предоставляемое жилое помещение вместо изымаемого аварийного жилья изначально являлось незаконным, указанная доплата взыскана с ответчика в пользу истца как неосновательное обогащение.

Таким образом, вывод суда о том, что получение Департаментом денежной суммы по договору мены стало неосновательным только после вступления в законную силу решения суда о признании этого договора недействительным в части доплаты, противоречит обстоятельствам, имеющим преюдициальное значение, установленным вступившим в силу решением суда.

Суды апелляционной и кассационной инстанций допущенные судом первой инстанции нарушения не устранили.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение суда первой инстанции, апелляционное определение и определение кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

1. Предельная ставка арендной платы по договору аренды земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена и которые предоставлены для размещения объектов электроэнергетики, определяется с учетом ее индексации на размер уровня инфляции

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 марта 2024 г. № 306-ЭС23-21322

(Извлечение)

Комитет по управлению государственным имуществом (далее — комитет) обратился в арбитражный суд с иском к обществу (арендатор) о взыскании задолженности по договору аренды земельного участка для строительства капитального объекта электроэнергетики.

Расчет задолженности произведен комитетом исходя из предельной ставки, утвержденной приказом Минэкономразвития России от 22 сентяб-

ря 2011 г. № 507 “Об утверждении ставок арендной платы в отношении земельных участков, находящихся в собственности Российской Федерации и предоставленных (занятых) для размещения объектов электроэнергетики (за исключением генерирующих мощностей)” (далее — Приказ № 507), с применением коэффициентов инфляции.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, заявленные требования частично удовлетворены.

Суды исходили из того, что арендная плата, рассчитанная исходя из утвержденной Приказом № 507 предельной ставки арендной платы в субъекте за земельный участок для размещения объекта электроэнергетики, изменению на размер уровня инфляции не подлежит.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 6 марта 2024 г. отменила принятые по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Поскольку спорный договор аренды заключен после введения в действие Земельного кодекса РФ в отношении земельного участка, право государственной собственности на который не разграничено, и размер арендной платы определен не по результатам торгов, арендная плата по этому договору является регулируемой (пп. 16, 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 73).

В силу п. 4 ст. 39⁷ и подп. 2 ст. 49 ЗК РФ размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной и муниципальной собственности и предоставленные для размещения объектов систем электроснабжения федерального, регионального и местного значения, не может превышать размер арендной платы, рассчитанный для соответствующих целей в отношении земельных участков, находящихся в федеральной собственности.

Размер арендной платы за земельные участки, находящиеся в федеральной собственности, устанавливается в соответствии с Правилами определения размера арендной платы, а также порядка, условий и сроков внесения арендной платы за земли, находящиеся в собственности Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 582 (далее — Постановление № 582, Правила).

Во исполнение п. 5 Правил Минэкономразвития России установило ставку арендной платы в размере 1,5% от кадастровой стоимости соответствующего земельного участка в отношении земельных участков, которые находятся в собственности Российской Федерации и предоставлены для размещения объектов электроэнергетики (за исключением генерирующих мощностей) либо заняты такими объектами (п. 1 Приказа № 507).

Так как земельный участок был предоставлен и использовался обществом для строительства электросетевого сооружения, включенного в еди-

ную (общероссийскую) электрическую сеть, арендная плата за такой участок не могла превышать размер арендной платы, рассчитанный по правилам Приказа № 507.

Между тем, отказывая в применении индексации арендной платы на размер уровня инфляции, суды необоснованно не учли, что возможность изменения предельной ставки арендной платы прямо предусмотрена п. 3 Приказа № 507, в соответствии с которым предельная ставка арендной платы изменяется согласно п. 8 Правил.

В соответствии с абз. 1 п. 8 Правил арендная плата ежегодно, но не ранее чем через год после заключения договора аренды земельного участка, изменяется в одностороннем порядке арендодателем на размер уровня инфляции, который применяется ежегодно по состоянию на начало очередного финансового года, начиная с года, следующего за годом, в котором заключен указанный договор аренды.

Такое изменение арендной платы не подлежит применению, в том числе в случае уточнения условий, предусмотренных применительно к спорным правоотношениям в п. 5 Правил.

Поскольку в спорный период предельная ставка арендной платы, утвержденная Приказом № 507, не изменялась, иных уточнений условий, предусмотренных п. 5 Правил, в соответствии с которыми определяется размер арендной платы за земельный участок, судами не установлено, оснований для отказа в индексации арендной платы на размер уровня инфляции не имелось.

При новом рассмотрении дела суду надлежит произвести расчет арендной платы за спорный период применительно к пп. 1—3 Приказа № 507, п. 8 Правил, установить наличие или отсутствие уточнения условий, предусмотренных п. 5 Правил, в соответствии с которыми определяется размер арендной платы за земельный участок.

2. Не подлежит установлению публичный сервитут, если его условиями собственник земельного участка сельскохозяйственного назначения лишается возможности использовать свой участок в соответствии с разрешенным целевым назначением

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 13 мая 2024 г. № 305-ЭС23-29621*

(Извлечение)

Компания направила в администрацию ходатайство об установлении публичного сервитута в отношении земельного участка в целях размещения линейных объектов системы газоснабжения и их неотъемлемых технологических частей.

Постановлением администрации установлен публичный сервитут в отношении части земельного участка, отнесенного к мелиорируемым землям сельскохозяйственного назначения.

Не согласившись с указанным постановлением, общество, являющееся собственником земельного участка, обратилось в арбитражный

суд с требованием о признании его незаконным и о восстановлении нарушенных прав.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда и суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из того, что компанией соблюдены требования к форме заявления об установлении публичного сервитута, указаны сведения, необходимые для рассмотрения и принятия соответствующего решения уполномоченным органом, а также обоснование необходимости установления публичного сервитута, представлен договор о подключении (технологическом присоединении) объектов капитального строительства к сети газораспределения, приложена схема расположения границ публичного сервитута.

Суды указали, что материалами дела подтверждена необходимость использования части земельного участка в целях размещения линейного объекта системы газоснабжения. Доказательств, опровергающих, что предложенный оптимальный вариант следования проектируемого газопровода является единственно возможным, не представлено.

При этом суды отметили, что действующим законодательством не исключена возможность постройки и эксплуатации газопровода на мелиорируемом земельном участке.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 13 мая 2024 г. отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 9 ст. 23 ЗК РФ установление сервитута, публичного сервитута применительно к землям и земельным участкам из состава земель сельскохозяйственного назначения осуществляется с учетом требований об обеспечении рационального использования земель.

При этом земельное законодательство основывается на принципе приоритета сохранения особо ценных земель, согласно которому изменение целевого назначения ценных земель сельскохозяйственного назначения для иных целей ограничивается или запрещается (подп. 6 п. 1 ст. 1 ЗК РФ), а оборот земель сельскохозяйственного назначения основывается на принципе сохранения целевого использования соответствующих земельных участков (ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения”).

В силу п. 10 ст. 23 ЗК РФ размещение сооружений, в том числе газопроводов, на земельном участке, принадлежащем гражданину или юридическому лицу, на условиях публичного сервитута не осуществляется, если их размещение приведет к невозможности использовать земельный участок в соответствии с его разрешенным использованием или приведет к существенным затруднениям в его использовании в течение срока, превышающего срок, предусмотренный подп. 4 п. 1 ст. 39⁴⁴ данного Кодекса.

Согласно п. 11 ст. 23 ЗК РФ деятельность, для обеспечения которой устанавливаются сер-

витут, публичный сервитут, может осуществляться на земельном участке независимо от его целевого назначения и разрешенного использования, за исключением случаев, если осуществление данной деятельности не допускается в границах определенных зон, земель и территорий в соответствии с их режимом.

Спорный земельный участок отнесен к мелиорируемым землям, расположенным в границах особо ценных сельскохозяйственных угодий, на котором расположены мелиоративные сооружения.

Общество в судебном заседании и пояснениях последовательно приводило доводы о том, что в обосновании необходимости установления сервитута на спорном земельном участке отсутствуют расчеты, касающиеся наиболее целесообразного способа установления сервитута, информация о протяженности инженерного сооружения, границах охранной зоны газопровода, а также об отсутствии согласованного с собственником земельного участка проекта (соглашения) о реконструкции (переносе) расположенного на нем мелиоративного сооружения при строительстве газопровода, в том числе с учетом обязательных охранных зон запроектированного к строительству линейного объекта, и отсутствии проекта рекультивации земель сельскохозяйственного назначения.

Однако суды не установили и не оценили указанные обстоятельства, необходимые для проверки соответствия ходатайства об установлении публичного сервитута и прилагаемых к нему документов требованиям ст.ст. 23, 39⁴¹, 78 ЗК РФ.

Суды также не выносили на обсуждение сторон вопросы о представлении заключения специалиста или привлечения в качестве третьего лица без самостоятельных требований на основании ст. 51 АПК РФ органа, уполномоченного в области нормативного регулирования агропромышленного комплекса, включая мелиорацию, для дачи пояснений по специальным техническим требованиям к осуществлению деятельности на спорном земельном участке, принимая во внимание, что он относится к особо ценным продуктивным сельскохозяйственным (ст. 79 ЗК РФ, ст. 30 Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель»).

На основании п. 10 ст. 23 ЗК РФ в случае, если размещение объекта при определенных условиях приведет к невозможности использовать земельный участок в соответствии с его разрешенным использованием или существенным затруднениям в его использовании, то такое размещение сооружения может быть осуществлено после изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд, а не путем установления публичного сервитута.

Обосновывая отсутствие оснований для применения п. 10 ст. 23 ЗК РФ, ответчик привел расчеты объемов обременения земельного участка в соотношении с его размером.

Однако согласно подп. 1 п. 3 ст. 39⁴¹ ЗК РФ обоснование необходимости установления пуб-

личного сервитута, являющееся обязательным документом, прилагаемым к ходатайству в уполномоченный орган, при отсутствии решений о территориальном планировании или проекта планировки территории, которые бы содержали сведения о прокладываемом сооружении, должно содержать расчеты и доводы, касающиеся наиболее целесообразного способа установления публичного сервитута, в том числе с учетом необходимости обеспечения безопасной эксплуатации инженерного сооружения, безопасности населения, существующих зданий, сооружений, а также соблюдения требований к землям сельскохозяйственного назначения об обеспечении их рационального использования.

Таким образом, судам применительно к указанным условиям, при которых недопустимо установление публичного сервитута, необходимо было проверить приложение ответчиком в комплекте с ходатайством документов, обосновывающих возможность продолжения использования земельного участка обществом в соответствии с его разрешенным целевым назначением в течение определенного времени при возведении, эксплуатации газопровода с учетом требований по охранным зонам и доступа для его дальнейшего обслуживания, принимая во внимание избранную точку подключения и схему прокладки, отличающуюся от способа прохождения иных параллельных коммуникаций, находящихся на обременяемом участке.

Альтернативный маршрут прокладки газопровода согласно пояснениям компании отклонен вследствие невозможности прохождения газопровода в полосе отвода автомобильной дороги.

Однако судам необходимо оценить доводы компании и администрации об отсутствии возможности альтернативного прохождения сооружения с учетом того, что отказ Мосавтодора датирован 2018 годом, сервитут испрошен в 2020 году, предложенный компанией проект прохождения газопровода по участку заявителя также предполагает переход через автомобильную дорогу, а внесенные после отказа Мосавтодора изменения в законодательство, в том числе в ст. 39³⁷ ЗК РФ, не исключают при определенных условиях прокладки инженерных коммуникаций в пределах автомобильных полос отвода.

При оспаривании заявителем доводов о безальтернативности избранного компанией маршрута прокладки газопровода суд может поставить на обсуждение участвующих в деле лиц вопрос о проведении судебной экспертизы или представлении заключения лица, обладающего специальными познаниями, на предмет соответствия мнения проектной организации, выраженного в представленных в администрацию компанией документах, о невозможности реализации существующего альтернативного варианта прохождения линейного объекта.

1. Письмо Федеральной антимонопольной службы от 13 ноября 2023 г. № ГМ/94718/23 “О направлении информации” признано недействующим со дня его принятия

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 июня 2024 г. № АКПИ24-164,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 октября 2024 г. № АПЛ24-373*

(Извлечение)

13 ноября 2023 г. ФАС России издано письмо № ГМ/94718/23 “О направлении информации” (далее также — Письмо), адресованное руководителям территориальных органов ФАС России, которым они информируются об отзыве ранее направленного письма от 15 июля 2022 г. № ГМ/67432/22 и о прекращении его применения.

В Письме в связи с поступающими запросами территориальных органов ФАС России в отношении рассмотрения в порядке ст. 18¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции) жалоб на нарушения процедуры торгов, проводимых в соответствии с Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве), даны следующие разъяснения:

“В соответствии с пунктом 42 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции к полномочиям антимонопольного органа относится рассмотрение жалобы на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов, продажи государственного или муниципального имущества. Порядок рассмотрения указанных жалоб регламентирован статьей 18¹ Закона о защите конкуренции (абзац третий).

Таким образом, антимонопольные органы уполномочены рассматривать жалобы на нарушение процедуры торгов, если обязательность их проведения прямо предусмотрена законодательством (абзац четвертый).

В силу пункта 4 статьи 110 Закона о банкротстве продажа предприятия осуществляется в порядке, установленном данным законом, путем проведения торгов в форме аукциона, за исключением имущества, продажа которого в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществляется путем проведения конкурса (абзац пятый).

Согласно пункту 18 статьи 110 Закона о банкротстве в случае признания торгов несостоявшимися и незаключения договора купли-продажи с единственным участником торгов, а также в случае незаключения договора купли-продажи предприятия по результатам торгов внешний управляющий в течение двух дней после завершения срока, установленного Законом о банкротстве для принятия решений о признании торгов несостоявшимися, для заключения дого-

вора купли-продажи предприятия с единственным участником торгов, для заключения договора купли-продажи предприятия по результатам торгов, принимает решение о проведении повторных торгов и об установлении начальной цены продажи предприятия. Повторные торги проводятся в порядке, установленном Законом о банкротстве (абзац шестой).

Также в соответствии с пунктом 3 статьи 139 Закона о банкротстве после проведения инвентаризации и оценки имущества должника конкурсный управляющий приступает к его продаже. Продажа имущества должника осуществляется в порядке, установленном пунктами 3—19 статьи 110 и пунктом 3 статьи 111 Закона о банкротстве, с учетом особенностей, установленных данной статьей (абзац седьмой).

В силу пункта 4 статьи 139 Закона о банкротстве в случае, если повторные торги по продаже имущества должника признаны несостоявшимися или договор купли-продажи не был заключен с их единственным участником, а также в случае незаключения договора купли-продажи по результатам повторных торгов продаваемое на торгах имущество должника подлежит продаже посредством публичного предложения (абзац восьмой).

Таким образом, Законом о банкротстве установлены случаи, при которых проведение торгов является обязательным (абзац девятый).

Следовательно, если основанием для проведения торгов послужило прямое указание Закона о банкротстве на обязательность их проведения, то антимонопольные органы уполномочены рассматривать поступающие на процедуру их проведения жалобы в порядке, предусмотренном статьей 18¹ Закона о защите конкуренции (абзац десятый).

При этом необходимо учитывать, что частью 9 статьи 18¹ Закона о защите конкуренции установлен перечень оснований для возврата жалобы заявителю. В соответствии с пунктом 3 части 9 статьи 18¹ Закона о защите конкуренции к числу таких оснований относится наличие вступившего в законную силу судебного акта, в котором содержатся выводы о наличии или об отсутствии нарушения в обжалуемых актах и (или) действиях (бездействии) (абзац одиннадцатый).

Кроме того, в силу части 21 статьи 18¹ Закона о защите конкуренции комиссия антимонопольного органа прекращает рассмотрение жалобы в случаях, предусмотренных пунктами 3—5 части 9 статьи 18¹ Закона о защите конкуренции (абзац двенадцатый)”.

Союз Операторов Электронных Площадок (далее — Союз) обратился в Верховный Суд РФ с административным иском с заявлением о признании Письма недействующим, ссылаясь на то, что содержащиеся в его абз. 4, 9 и 10 разъяснения даны ФАС России с превышением полномочий, не соответствуют действительному смыслу разъясняемых отдельных положений Закона о защите конкуренции, Закона о банкротстве и обладают нормативными свойствами, позволяющими применить их неоднократно в качестве общеобяза-

тельного предписания в отношении неопределенного круга лиц по вопросу правового регулирования порядка рассмотрения антимонопольным органом жалоб на проведение торгов при продаже имущества (предприятия) должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, нарушают права и законные интересы членов Союза — операторов электронных площадок.

Верховный Суд РФ 24 июня 2024 г. административное исковое заявление удовлетворил по следующим основаниям.

В соответствии с пп. 5, 9 ч. 2 ст. 23 Закона о защите конкуренции федеральный антимонопольный орган дает разъяснения по вопросам применения им антимонопольного законодательства, обобщает и анализирует практику применения антимонопольного законодательства, разрабатывает рекомендации по его применению.

Согласно п. 1, подп. 5.4, 6.3 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331, ФАС России, являясь уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в числе прочего функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, с целью реализации полномочий в установленной сфере деятельности имеет право обобщать и анализировать практику применения законодательства Российской Федерации в установленной сфере деятельности, разрабатывать рекомендации по применению антимонопольного законодательства, давать юридическим и физическим лицам разъяснения по вопросам, отнесенным к компетенции службы.

ФАС России в форме письма дала разъяснения в отношении рассмотрения в порядке ст. 181 Закона о защите конкуренции жалоб на нарушения процедуры торгов, проводимых в соответствии с Законом о банкротстве.

Данные разъяснения ФАС России направлены руководителям территориальных органов, а также размещены на ее официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” (www.fas.gov.ru).

В оспариваемом письме ФАС России правильно воспроизведены положения Закона о защите конкуренции (абз. 3, 11, 12), Закона о банкротстве (абз. 5—8). Вместе с тем в абз. 4, 9, 10 Письма даны разъяснения, которые не соответствуют действительному смыслу разъясняемых положений указанных Федеральных законов и устанавливают не предусмотренные ими общеобязательные правила, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на неоднократное применение как ФАС России, так и его территориальными органами, в адрес которых направлено Письмо.

Кроме того, действующим законодательством ФАС России не наделена полномочиями давать разъяснения норм Закона о банкротстве.

Организационные и правовые основы защиты конкуренции определены в ч. 2 ст. 1 Закона о защите конкуренции, целями которого являются, в частности, обеспечение единства экономическо-

го пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, создание условий для эффективного функционирования товарных рынков.

В соответствии с положениями п. 4 ст. 22, п. 4 ч. 1 ст. 23 указанного Федерального закона антимонопольный орган осуществляет государственный контроль при проведении торгов в случаях, предусмотренных федеральными законами, в том числе рассматривает жалобы на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов.

При этом по смыслу взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 1, чч. 1 и 4 ст. 17, ч. 5 ст. 18 Закона о защите конкуренции антимонопольный контроль допускается в отношении процедур, обязательность проведения которых прямо предусмотрена законом и введена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

Анализ приведенных положений законодательства позволяет сделать вывод о том, что антимонопольный контроль за торгами, в том числе за соблюдением процедуры торгов, ограничен случаями, когда результаты проведения определенных торгов способны оказать влияние на состояние конкуренции на соответствующих товарных рынках.

Исходя из положений п. 3 ч. 2 ст. 23 Закона о защите конкуренции вывод о наличии оснований для антимонопольного контроля за торгами в конкретных случаях также может быть сделан по результатам проведенного антимонопольным органом анализа состояния конкуренции, если они свидетельствуют о значимости исхода торгов с точки зрения предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

При этом порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов, регулирует Закон о банкротстве (п. 1 ст. 1), согласно положениям которого реализация имущества должника посредством проведения торгов в конкурсном производстве подчинена общей цели названной процедуры — наиболее полному удовлетворению требований кредиторов исходя из принципов очередности и пропорциональности (абз. 16 ст. 2, ст.ст. 110, 111, 124, 139).

Таким образом, в отличие от антимонопольного контроля, целью которого является защита публичных интересов (недопущение ограничения, устранения конкуренции на рынке, обеспечение и развитие конкуренции), контроль за торгами по продаже имущества в процедурах банкротства должника преследует цель защиты частных интересов: как самого должника, так и его конкурсных кредиторов, баланс между интереса-

ми которых должен обеспечиваться при проведении торгов.

Проводимые в рамках процедур банкротства (конкурсное производство, процедура реализации имущества должника) торги не преследуют в качестве своей основной цели обеспечение и развитие конкуренции на тех или иных товарных рынках, а произвольное вмешательство антимонопольных органов в их проведение способно негативно повлиять на возможность своевременного и максимального удовлетворения интересов кредиторов от реализации имущества, при том что за проведением названных торгов осуществляется судебный контроль в рамках дела о банкротстве.

В соответствии со ст.ст. 110, 111 Закона о банкротстве продажа предприятия, части имущества должника в процедуре внешнего управления осуществляется в порядке, установленном данным Федеральным законом, в соответствии с п. 1 ст. 126 которого с даты принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства совершение сделок, связанных с отчуждением имущества должника или влекущих за собой передачу его имущества третьим лицам в пользование, допускается исключительно в порядке, установленном главой VII этого Закона.

Из п. 10 ст. 111² Закона о банкротстве следует, что споры, связанные с проведением оператором электронной площадки торгов в электронной форме по продаже имущества или предприятия должника в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, разрешаются в судебном порядке.

Следовательно, осуществление антимонопольного контроля за торгами, проводимыми в рамках дел о банкротстве, не является безусловным и в каждом случае требует обоснования со стороны антимонопольного органа с точки зрения реализации целей Закона о защите конкуренции.

При этом регламентированный ст. 18¹ Закона о защите конкуренции порядок рассмотрения антимонопольным органом жалоб на нарушение процедуры торгов и порядка заключения договоров не предусматривает проведения антимонопольным органом обязательного в рамках рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства анализа состояния конкуренции, но устанавливает в числе прочего обязательное приостановление торгов в случае принятия жалобы к рассмотрению антимонопольного органа с направлением соответствующего уведомления заявителю, организатору торгов, оператору электронной площадки, в конкурсную или аукционную комиссию (ч. 11), определяет период приостановления торгов — со дня направления указанного уведомления о приостановлении торгов до рассмотрения жалобы по существу (ч. 18), предусматривает, что организатор торгов, которому направлено уведомление, не вправе заключать договор до принятия антимонопольным органом решения по жалобе.

Кроме того, согласно положениям ч. 20 вышеназванной статьи в случае признания по ре-

зультатам рассмотрения жалобы по существу обоснованной либо в случае установления иных не являющихся предметом обжалования нарушений (в том числе нарушений порядка организации и проведения торгов, заключения договоров по результатам торгов или в случае признания торгов несостоявшимися) комиссия антимонопольного органа принимает решение о необходимости выдачи предписания, предусмотренного п. 3¹ ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции (содержащего в числе прочего требования к организатору торгов, оператору электронной площадки об отмене протоколов и аннулировании торгов).

Тем самым, Письмо предписывает территориальным органам ФАС России рассматривать жалобы на торги, проводимые в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, не по правилам главы 9 Закона о защите конкуренции, регламентирующей рассмотрение дел о нарушении антимонопольного законодательства, а в порядке ст. 18¹ указанного Федерального закона, в рамках которой анализ состояния конкуренции не предусмотрен, а антимонопольные органы не устанавливают значимость исхода торгов с точки зрения предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования.

В результате расширительного толкования норм ст. 18¹ Закона о защите конкуренции ФАС России распространила их действие на торги по продаже имущества должников в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, за проведением которых осуществляется судебный контроль в рамках дела о банкротстве, возложив на операторов электронных площадок не предусмотренные Законом о банкротстве дополнительные обязанности, включая приостановление торгов, исполнение предписаний антимонопольного органа, содержащих требования об отмене протоколов и аннулировании торгов, что противоречит положениям Гражданского кодекса РФ и Закона о банкротстве, предусматривающим судебный порядок рассмотрения дел, связанных с признанием недействительными торгов в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве.

С учетом изложенного Верховный Суд РФ административное исковое заявление удовлетворил, признал недействующим со дня принятия письма Федеральной антимонопольной службы от 13 ноября 2023 г. № ГМ/94718/23 “О направлении информации”.

2. Пункт 3 постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 “Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 14 мая 2024 г. № АКПИ24-167,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 30 июля 2024 г. № АПЛ24-275*

3. Пункт 2.16 Федеральных авиационных правил “Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации”, утвержденных приказом Минтранса России от 12 сентября 2008 г. № 147, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 мая 2024 г. № АКПИ24-202,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 августа 2024 г. № АПЛ24-277*

4. Оспариваемый частично федеральный перечень реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденный распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2005 г. № 2347-р, в редакции распоряжения Правительства РФ от 10 сентября 2014 г. № 1776-р, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 30 мая 2024 г. № АКПИ24-337,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 августа 2024 г. № АПЛ24-283*

5. Оспариваемые частично абз. 18 и 19 подп. “б” п. 1 изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации по вопросам предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 3 февраля 2022 г. № 92, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 апреля 2024 г. № АКПИ24-166,
вступившее в законную силу*

6. Оспариваемые частично п. 47 Требований к обеспечению подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд Российской Федерации, утвержденных приказом Минспорта России от 30 октября 2015 г. № 999, п. 15.1 Федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта “шашки”, утвержденного приказом Минспорта России от 24 ноября 2022 г. № 1072, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 июня 2024 г. № АКПИ24-231,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 августа 2024 г. № АПЛ24-293*

7. Оспариваемые частично п. 34¹, абз. 35 п. 38, абз. 15 п. 87 Основ ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2011 г. № 1178, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 апреля 2024 г. № АКПИ24-133,
вступившее в законную силу*

8. Оспариваемый частично п. 10 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 24 августа 2021 г. № 487 “О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора” признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 28 мая 2024 г. № АКПИ24-336,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 августа 2024 г. № АПЛ24-300*

9. Оспариваемый частично п. 22³ Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 2 апреля 2024 г. № АКПИ23-1169,
вступившее в законную силу*

10. Оспариваемый частично подп. 20.4 п. 20 Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях, утвержденного приказом Минтруда России от 20 апреля 2022 г. № 223н, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 мая 2024 г. № АКПИ24-155,
вступившее в законную силу*

11. Оспариваемый частично абз. 9 п. 4.6.3.1 Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 г. № 170, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 5 июня 2024 г. № АКПИ24-256,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 августа 2024 г. № АПЛ24-296*

- 12. Пункт 6.4 Методических рекомендаций по вопросам действий судебного пристава-исполнителя при обращении взыскания на заложенное имущество, утвержденных директором Федеральной службы судебных приставов — главным судебным приставом РФ 8 декабря 2015 г. № 0014/14, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 мая 2024 г. № АКПИ24-220,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 13 августа 2024 г. № АПЛ24-299*

- 13. Пункт 92 Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в области обращения с твердыми коммунальными отходами, утвержденных приказом ФАС России от 21 ноября 2016 г. № 1638/16, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 6 мая 2024 г. № АКПИ24-183,
вступившее в законную силу*

- 14. Пункт 12.2.2 приложения № 1 к требованиям к оснащению объектов защиты автоматическими установками пожаротушения, системой пожарной сигнализации, системой оповещения и управления эвакуацией людей при пожаре, утвержденным постановлением Правительства РФ от 1 сентября 2021 г. № 1464, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 июня 2024 г. № АКПИ24-168,
вступившее в законную силу*

- 15. Абзац 2 п. 10 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522, а также п. 13**

Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 21 мая 2024 г. № АКПИ24-187,
вступившее в законную силу*

- 16. Оспариваемый частично абз. 1 п. 4.15 свода правил СП 4.13130 “Системы противопожарной защиты. Ограничение распространения пожара на объектах защиты. Требования к объемно-планировочным и конструктивным решениям”, утвержденного приказом МЧС России от 24 апреля 2013 г. № 288, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 мая 2024 г. № АКПИ24-230,
вступившее в законную силу*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

- 1. Предметы (образцы), которые являются вещественными доказательствами по нескольким уголовным делам, должны храниться до вступления в законную силу приговора по каждому делу, если их сохранение возможно исходя из свойств предметов (образцов)**

*Постановление Президиума Верховного Суда РФ
от 27 сентября 2023 г. № 19-П23*

(Извлечение)

По приговору Ступинского городского суда Московской области от 28 февраля 2020 г. С.В. (судимый 14 июня 2005 г. по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ к одиннадцати годам лишения свободы, освобожден 5 декабря 2014 г. по отбытии наказания) осужден по п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к десяти годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 228 УК РФ — к одному году лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний назначено десять лет шесть месяцев лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

Срок отбывания С.В. наказания постановлено исчислять с 11 октября 2018 г. и зачесть ему в срок лишения свободы время содержания под стражей в период с 11 октября 2018 г. по день вступления приговора в законную силу исходя из расчета в соответствии с п. “а” ч. 3¹ ст. 72 УК РФ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ).

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 29 октября 2020 г. приговор изменен: С.В. освобожден от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ на основании п. “а” ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с истечением срока давности; исключено назначение ему наказания на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений; определено считать С.В. осужденным по п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к десяти годам лишения свободы в исправительной колонии особого режима; срок отбывания наказания определено исчислять со дня вступления приговора в законную силу, и в соответствии с ч. 3² ст. 72 УК РФ зачесть в него время содержания С.В. под стражей с 11 октября 2018 г. по день вступления приговора в законную силу из расчета один день за один день. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2021 г. приговор Ступинского городского суда Московской области от 28 февраля 2020 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 29 октября 2020 г. в отношении С.В. оставлены без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении С.В. ввиду новых обстоятельств в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Постановления от 19 июня 2023 г. № 33-П.

Президиум Верховного Суда РФ 27 сентября 2023 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

С.В. осужден (с учетом изменений приговора судом апелляционной инстанции) за незаконный сбыт психотропного вещества — амфетамина в крупном размере (1,03 г).

Преступление совершено 10 октября 2018 г. при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

Уголовное дело в отношении С.В. возбуждено по признакам преступлений, предусмотренных п. “г” ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 228 УК РФ. К данному делу приобщены материалы, выделенные в отдельное производство из уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 228 УК РФ в отношении С.С. и З., в том числе постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественного доказательства (вещества массой 1,03 г в свертке из фольги, изъятого 10 октября 2018 г. в ходе досмотра С.С.), постановление о передаче его на хранение и квитанция об этом, экспертное заключение, подтверждающее принадлежность изъятого к психотропным веществам.

Указанное вещество в качестве вещественного доказательства хранилось при уголовном деле в отношении С.С. и З. и после вступления приговора от 18 марта 2019 г. в законную силу уничтожено.

Материалы, выделенные из уголовного дела в отношении С.С. и З., в том числе заключение экспертов относительно вещества в свертке из фольги, изъятого 10 октября 2018 г. при досмотре С.С., наряду с другими доказательствами положены в основу приговора в отношении С.В.

С.В. обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой, в которой оспаривал в том числе конституционность положений ст.ст. 82 и 240 УПК РФ как допускающих возможность уничтожения вещественных доказательств, включенных в обвинительное заключение, без их непосредственного исследования в суде, и лишение обвиняемого конституционного права на защиту ввиду отказа в удовлетворении ходатайства об исследовании вещественных доказательств по уголовному делу, выделенному в отдельное производство, соответственно.

19 июня 2023 г. Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 33-П (по делу о проверке конституционности положений ст.ст. 82 и 240 УПК РФ и ряда иных его статей), в соответствии с которым положения указанных статей признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 17, чч. 1 и 2 ст. 19, ч. 1 ст. 46, ст.ст. 49, 75¹ и чч. 1 и 3 ст. 123, в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им судебным толкованием в системе действующего правового регулирования, служат основанием для уничтожения предметов (образцов), являющихся вещественными доказательствами по двум и более уголовным делам, после вступления в законную силу приговора суда по одному из этих уголовных дел, притом что по другому (другим) приговору в законную силу не вступил и сохранение

данных предметов (образцов) возможно исходя из их свойств.

В Постановлении от 19 июня 2023 г. № 33-П Конституционный Суд РФ, разрешая вопрос о порядке его исполнения, указал, что уголовное дело С.В. подлежит пересмотру с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в Постановлении, если для этого нет иных препятствий.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по уголовному делу в отношении С.В., приговор Ступинского городского суда Московской области от 28 февраля 2020 г., апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 29 октября 2020 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 сентября 2021 г. в части осуждения С.В. по п. “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ отменил, уголовное дело передал на новое судебное разбирательство в тот же суд иным составом суда. В отношении С.В. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок до 27 декабря 2023 г.

2. При назначении наказания в соответствии с требованиями ст. 62 УК РФ за неоконченное преступление указанная в этой норме часть наказания исчисляется от срока или размера наказания, которые могут быть назначены по правилам ст. 66 УК РФ

Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 30-П23

(Извлечение)

По приговору Астраханского областного суда от 19 июля 2011 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Н., несудимый, осужден к лишению свободы: по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ на тринадцать лет, по пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ на восемнадцать лет, по ч. 5 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ на пятнадцать лет; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений назначено двадцать три года лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 ноября 2011 г. приговор в отношении Н. оставлен без изменения.

В надзорной жалобе Н. просил о пересмотре судебных решений и смягчении наказания, указывая, что в качестве обстоятельств, смягчающих наказание по каждому преступлению, признаны явки с повинной, наличие несовершеннолетнего ребенка, положительные характеристики, обстоятельства, отягчающих наказание, судом не установлено, однако наказание по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ (по которому назначено тринадцать лет лишения свободы) назначено без учета положений ч. 1 ст. 62 УК РФ, превышает максимально возможный срок; кроме того, обстоятельством, смягчающим наказание, следовало признать наличие малолетнего, а не несовершенно-

летнего ребенка, который на момент вынесения приговора достиг возраста 1 год 7 месяцев.

Президиум Верховного Суда РФ 31 января 2024 г. изменил обжалуемые решения, указав следующее.

Из материалов уголовного дела следует, что при производстве расследования Н. по каждому факту совершения преступлений заявил о явках с повинной.

Указанные заявления о явках с повинной исследовались в судебном заседании с участием присяжных заседателей.

Суд признал в качестве обстоятельств, смягчающих наказание осужденного, его явки с повинной, что предусмотрено п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Обстоятельств, отягчающих наказание Н., судом установлено не было.

Согласно ст. 62 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пп. “и” и (или) “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

При назначении наказания за неоконченное преступление указанные сроки или размеры наказания исчисляются от максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания,

которое может быть назначено с учетом правил чч. 2, 3 ст. 66 УК РФ.

То есть наказание Н. по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ за покушение на убийство не могло превышать десяти лет лишения свободы.

Таким образом, назначенное осужденному по указанной норме уголовного закона наказание превышает пределы, установленные ч. 1 ст. 62 УК РФ.

В соответствии с п. “г” ч. 1 ст. 61 УК РФ к обстоятельствам, смягчающим наказание, относится наличие малолетних детей у виновного.

Как усматривается из материалов уголовного дела, ребенок осужденного Н. на момент вынесения приговора являлся малолетним.

Однако суд в приговоре ошибочно признал обстоятельством, смягчающим наказание, наличие не малолетнего, а несовершеннолетнего ребенка.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор, кассационное определение в отношении Н., смягчил наказание по ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ до десяти лет десяти месяцев лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, пп. “а”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 33, п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначил Н. двадцать два года десять месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 2, 3 (2024)

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, возникающих из договорных отношений

1. Банк не вправе устанавливать не предусмотренные законом или договором ограничения права клиента распоряжаться денежными средствами, зачисленными на его банковский счет при покупке им иностранной валюты по курсу, который был установлен самим банком ниже биржевого курса и курса Банка России, в том числе в результате ошибки сотрудника этого банка.

Ф. обратился в суд с иском к банку о взыскании денежных средств в иностранной валюте, компенсации морального вреда и штрафа, указав, что в апреле 2022 г. банком с его счета без законных оснований были списаны денежные средства в иностранной валюте, а сам счет заблокирован. Претензия истца о возврате денежных средств оставлена ответчиком без удовлетворения.

Решением суда исковые требования удовлетворены частично, с банка в пользу Ф. взысканы списанные со счета истца денежные средства в рублях в сумме, эквивалентной сумме в иностранной валюте, по курсу Банка России на день исполнения решения суда, компенсация морального вреда и штраф.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение об отказе в удовлетворении иска.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

В силу положений ст. 845 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту (владельцу счета), денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету (п. 1). Банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента и устанавливать другие не предусмотренные законом или договором банковского счета ограничения права клиента распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению (п. 3).

Согласно п. 1 ст. 858 названного выше Кодекса, если иное не предусмотрено законом или договором, ограничение распоряжения денежными средствами, находящимися на счете, не допускается, за исключением наложения ареста на денежные средства, находящиеся на счете, или приостановления операций по счету, в том числе блокирования (замораживания) денежных средств в случаях, предусмотренных законом.

В соответствии со ст. 854 этого же Кодекса списание денежных средств со счета осуществляется банком на основании распоряжения клиен-

та (п. 1). Без распоряжения клиента списание денежных средств, находящихся на счете, допускается по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом (п. 2).

В силу п. 6 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах относится к банковским операциям.

Положениями ч. 7 ст. 14 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ “О валютном регулировании и валютном контроле” предусмотрено, что резиденты, в том числе граждане Российской Федерации, могут осуществлять расчеты через свои банковские счета в любой иностранной валюте с проведением в случае необходимости конверсионной операции по курсу, согласованному с уполномоченным банком, независимо от того, в какой иностранной валюте был открыт банковский счет. Этим же Федеральным законом предусмотрено право уполномоченных банков совершать сделки с иностранной валютой в соответствии с требованиями, установленными Банком России (ст. 11).

Согласно п. 2.2 Инструкции Банка России от 16 сентября 2010 г. № 136-И “О порядке осуществления уполномоченными банками (филиалами) отдельных видов банковских операций с наличной иностранной валютой и операций с чеками (в том числе дорожными чеками), номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, с участием физических лиц” при осуществлении банковских операций с иностранной валютой уполномоченные банки самостоятельно определяют курсы иностранных валют.

При этом банки устанавливают курсы валют, как правило, отличные от биржевого курса и курса Банка России.

Как установлено судами, 27 февраля, 1 и 11 марта 2022 г. ответчик, самостоятельно определив курсы валют, разместил в открытом доступе публичную оферту для неопределенного круга лиц на совершение сделок по купле-продаже валюты. Ф., имея в банке несколько открытых счетов, 1 и 11 марта 2022 г. совершил с их использованием операции по конвертации валюты по установленному ответчиком в этот период курсу.

Делая вывод о злоупотреблении истцом правом при совершении операций по конвертации валюты, суд апелляционной инстанции ничем его не обосновал и не указал, каким образом истец мог распознать наличие какой-либо ошибки в установленных банком курсах валют и в силу чего он должен был воздержаться от совершения данных сделок.

Между тем установленные ответчиком курсы валют были доступны всем клиентам банка (ответчика), которые по своему усмотрению при совершении сделок соглашались или не соглашались с этими курсами. Иных курсов валют в указанные даты банк не размещал, вследствие чего Ф. не мог приобрести валюту по иному курсу.

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Исходя из предмета спора и доводов банка бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих о злоупотреблении истцом правом, лежит на ответчике. Однако такие доказательства в апелляционном определении не приведены.

Доводы банка о совершении Ф. многочисленных операций по конвертации валют в короткий промежуток времени по кросс-курсу валют, отличающемуся от установленного Банком России, сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении истцом правом. То обстоятельство, что сделки по конвертации валют оказались не выгодными для банка, ведущего предпринимательскую деятельность, не лишает истца права на совершение выгодных для него конверсионных операций с учетом отсутствия у него каких-либо возможностей повлиять на установленные банком курсы валют.

Кроме того, в материалах дела отсутствуют доказательства того, что установленное банком значение курсов валют 27 февраля, 1 и 11 марта 2022 г. произошло вследствие технического сбоя, поскольку представители ответчика сами указывали на ошибки сотрудников банка при установлении данных курсов.

При этом в нарушение требований закона банк неправомерно во внесудебном порядке списал со счета истца принадлежащие ему денежные средства.

Довод суда апелляционной инстанции о предусмотренном договором заранее данным акцепте клиента на списание банком задолженности клиента перед банком нельзя признать правильным, поскольку судом не указано, в силу чего находящиеся на счете клиента денежные средства, полученные на основании сделок, признаны его задолженностью перед банком.

Кроме того, судом первой инстанции установлен, а судом апелляционной инстанции не опровергнут факт ограничения банком права истца распоряжаться находящимися на счете денежными средствами в течение определенного времени путем блокировки счета. При этом каких-либо законных оснований для этого, соответствующих п. 1 ст. 858 ГК РФ, не установлено.

Указанным обстоятельствам надлежит правовой оценки судом апелляционной инстанции не дано, выводы суда о злоупотреблении правом Ф. и о возникновении в силу этого на его стороне неосновательного обогащения за счет ответчика в рамках исполненных договоров какими-либо доказательствами не подтверждены, что повлияло на правильность выводов суда по существу рассмотренного спора.

Определение № 4-КГ24-3-К1

2. Если сторонами возмездного договора согласовано обусловленное исполнение вытекающих из него обязательств, то такое условие является существенным для этого договора, а его нарушение исполнителем влечет расторжение договора и взыскание уплаченных заказчиком в счет цены договора денежных средств.

Б. (заказчик) обратилась в суд с иском к Г. (исполнитель) о расторжении договора об оказании юридических услуг, взыскании денежных средств, уплаченных по договору, в размере 228 000 руб., компенсации морального вреда и штрафа, ссылаясь на то, что 7 октября 2019 г. она заключила с ответчиком договор об оказании юридических услуг, результатом которых должно быть включение ее в реестр накопительно-ипотечной системы (далее — НИС) военнослужащих и взыскание недополученного инвестиционного дохода. По условиям данного договора стоимость услуг составляет 10% от полученной истцом суммы. 26 марта 2020 г. Б. произвела оплату услуг по договору в размере 228 000 руб. Однако предусмотренный договором результат достигнут не был, Б. не включена в реестр НИС, и доход от инвестиционных на-

коплений истцом в результате юридической помощи ответчика ею не получен.

Суд первой инстанции, признав, что ответчик не доказал надлежащее исполнение обязательства по договору об оказании юридических услуг, исковые требования удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что спорный договор не содержит условия об оплате услуг в зависимости от достижения определенного результата, взыскание с исполнителя юридических услуг суммы оплаты исходя лишь из недостижения желаемого результата противоречит существу обязательства и особенностям предмета договора услуг.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановление судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

В соответствии с п. 1 ст. 779 и п. 1 ст. 781 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 23 января 2007 г. № 1-П “По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Агентство корпоративной безопасности” и гражданина В.В. Макеева” указал, что реализация гражданских прав и обязанностей по поводу оказания правовых услуг не может предопределять конкретные решения и действия органов государственной власти и должностных лиц.

В силу конституционных принципов и норм, в частности принципов свободы договора, доступности правосудия, независимости и самостоятельности судебной власти, состязательности и равноправия сторон, предполагается, что стороны в договоре об оказании правовых услуг, будучи вправе в силу диспозитивного характера гражданско-правового регулирования свободно определять наиболее оптимальные условия оплаты оказанных услуг, в том числе самостоятельно устанавливать порядок и сроки внесения платежей (уплата аванса, предварительные платежи, рассрочка платежа, предоставление кредита, почасовая оплата, исчисление размера вознаграждения в процентах от цены иска и т.д.), не могут, однако, обуславливать выплату вознаграждения принятием конкретного судебного решения: в системе действующего правового регулирования, в том числе положений гражданского законодательства, судебное решение не может выступать ни объектом чьих-либо гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), ни предметом какого-либо гражданско-правового договора (ст. 432 ГК РФ).

Включение же в текст договора о возмездном оказании правовых услуг условия о выплате вознаграждения в зависимости от самого факта принятия положительного для истца решения суда расходится с основными началами гражданского законодательства, допускающими свободу сторон в определении любых условий договора, если они не противоречат законодательству (п. 2 ст. 1

ГК РФ), поскольку в данном случае это означает введение иного, не предусмотренного законом, предмета договора.

Кроме того, в этом случае не учитывается, что, по смыслу п. 1 ст. 423 ГК РФ, плата по договору за оказание правовых услуг, как и по всякому возмездному договору, производится за исполнение своих обязанностей.

Федеральным законом от 2 декабря 2019 г. № 400-ФЗ ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” дополнена п. 4¹, согласно которому в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашении об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении.

Сведений о наличии у ответчика статуса адвоката материалы дела не содержат. Условия договора о взыскании платы за достигнутый результат сами по себе не были предметом спора по данному делу.

Согласно пояснениям Б. предложение предъявить требования о включении ее в НИС исходило от ответчика. Ввиду ее сомнений в целесообразности этих требований ответчиком предложено условие договора об оплате его услуг лишь в случае положительного результата и в зависимости от начисленной в рамках НИС суммы накоплений. Ответчик также подтвердил, что проект договора составил он.

Как разъяснено в п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора”, по смыслу абз. 2 ст. 431 ГК РФ при неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон иным образом толкование условий договора осуществляется в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия. Пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.).

В соответствии со ст. 327¹ ГК РФ исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договору обязательству, может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

С учетом изложенного суду апелляционной инстанции в целях выявления действительной воли сторон следовало дать оценку доводам истца о том, что условия договора исключали обязанность оплаты с ее стороны, если она не будет включена в реестр участников НИС, а размер оплаты определен от суммы накоплений и доходов, зачисленных на именной накопительный счет, и что такое условие оплаты его услуг предложил

сам ответчик, являющийся профессиональной стороной в этих отношениях.

Однако это судом апелляционной инстанции сделано не было, а кассационным судом общей юрисдикции допущенное судом апелляционной инстанции нарушение не устранено.

Определение № 4-КГ24-9-К1

Разрешение споров, возникающих из земельных отношений

3. Площадь подлежащего предоставлению земельного участка подлежит определению исходя из его функционального использования исключительно для эксплуатации расположенных на нем объектов недвижимого имущества и должна быть соразмерна этим объектам.

Возведение на земельном участке объекта незавершенного строительства, не соответствующего по своему функциональному назначению виду разрешенного использования земельного участка, в том числе при наличии государственной регистрации права собственности на этот объект, не влечет возникновения у лица исключительного права на приобретение земельных участков в собственность в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ.

Прокурор обратился в суд с иском к местной администрации, Ц., ряду граждан о признании недействительными договоров купли-продажи земельных участков, об исключении из ЕГРН записей и о прекращении права собственности на земельные участки, об исключении из государственного кадастра недвижимости записей о разделе земельного участка, об образовании земельных участков и о постановке их на кадастровый учет, о применении последствий недействительности ничтожной сделки путем возврата в муниципальную собственность земельного участка, расположенного рядом с территорией воинской части.

В обоснование требований прокурор указал на то, что при проведении проверки соблюдения требований земельного и градостроительного законодательства установлено, что на основании постановления местной администрации от 5 декабря 2018 г. Ц. в аренду выделен земельный участок общей площадью 24 410 кв.м из земель населенных пунктов, расположенный рядом с территорией воинской части. Договор аренды с Ц. заключен сроком на шесть лет, вид разрешенного использования "обслуживание автотранспорта", для использования под строительство автостоянки. На земельном участке Ц. были возведены 2 одноэтажных нежилых здания — контрольно-пропускные пункты со степенью готовности 90%, площадью 16,2 кв.м каждое, которые в соответствии с актом от 31 мая 2019 г. снесены.

До сноса указанных объектов незавершенного строительства Ц. обратился в местную администрацию с заявлением о предоставлении данного земельного участка в собственность, ссылаясь на то, что он является собственником объектов недвижимости.

Постановлением местной администрации от 15 апреля 2019 г. спорный земельный участок передан Ц. в собственность за плату, с ним заключен договор купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г.

По мнению прокурора, данная сделка является недействительной в силу ничтожности, поскольку Ц., обращаясь за выкупом земельного участка, сослался на то, что является собственником двух объектов незавершенного строительства, расположенных на участке, при этом объекты незавершенного строительства, в отличие от зда-

ний, строений, сооружений, не могут быть использованы по назначению до завершения строительства и ввода в эксплуатацию, что исключает возможность предоставления занятого ими земельного участка в собственность.

Кроме того, площадь спорного земельного участка более чем в 753 раза превышает площадь, необходимую для эксплуатации расположенных на нем объектов недвижимости. Отсутствие намерения использовать участок для обслуживания нежилых помещений подтверждает факт их сноса спустя полтора месяца после оформления права собственности на земельный участок.

Договор купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г. заключен в нарушение установленного ст.ст. 39³, 39¹⁶, 39²⁰ ЗК РФ запрета, посягает на публичные интересы, интересы неопределенного круга лиц и государства, в связи с чем является ничтожным.

Постановлением местной администрации от 24 июня 2019 г. спорный земельный участок разделен на 6 обособленных участков с постановкой их на кадастровый учет и с присвоением адресов.

Указанные земельные участки проданы Ц. ответчикам (ряду граждан). Считая отчуждение муниципального земельного участка незаконным, прокурор просил суд признать недействительным в силу ничтожности договор купли-продажи земельного участка рядом с территорией воинской части, заключенный 15 апреля 2019 г. между местной администрацией и Ц., а также признать недействительными последующие договоры купли-продажи вновь образованных земельных участков, заключенные между Ц. как продавцом и покупателями (ряд граждан), исключить из ЕГРН записи о регистрации права собственности и прекратить право собственности ответчиков на земельные участки, исключить из государственного кадастра недвижимости записи о разделе земельного участка, об образовании земельных участков и о постановке их на кадастровый учет, применить последствия недействительности ничтожной сделки путем возврата первоначального земельного участка в муниципальную собственность.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в иске отказано.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил принятые по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала судебные постановления вынесенными с нарушением норм права в связи со следующим.

В чч. 2 и 3 ст. 36 Конституции Российской Федерации закреплено, что владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона.

Правовое регулирование земельных отношений осуществляется Земельным кодексом Российской Федерации, который одним из основных принципов земельного законодательства провозгласил принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, ус-

тановленных федеральными законами (подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ).

Согласно подп. 6 п. 2 ст. 39³ ЗК РФ без проведения торгов осуществляется продажа земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных ст. 39²⁰ данного Кодекса.

В соответствии с п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ, если иное не установлено указанной статьей или другим федеральным законом, исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках.

Здания, сооружения, земельные участки, объекты незавершенного строительства и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, относятся к недвижимым вещам (ст. 130 ГК РФ).

Однако объекты незавершенного строительства, в том числе являющиеся объектами недвижимости, не указаны в ст.ст. 39³ и 39²⁰ ЗК РФ наряду со зданиями, сооружениями как объекты, для эксплуатации которых может быть предоставлен земельный участок в собственность без проведения торгов. Наличие на участке принадлежащих гражданину на праве собственности зарегистрированных в установленном порядке указанных объектов незавершенного строительства в соответствии с положениями Земельного кодекса РФ не предполагает его право на приобретение в собственность данного участка без проведения торгов.

Исходя из п. 3 ст. 166 и п. 2 ст. 168 ГК РФ, иск не являющегося стороной сделки лица о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть также удовлетворен, если это необходимо для защиты публичных интересов либо прав и охраняемых законом интересов третьих лиц.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, применительно к ст.ст. 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной, как посягающая на публичные интересы.

Отказывая в удовлетворении заявленных прокурором требований о признании договора купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г., заключенного между местной администрацией и Ц., недействительным в силу ничтожности, суды не указали конкретных мотивов, по которым пришли к такому выводу, не дали юридической квалификации оспариваемой сделке и правовой оценки доводам прокурора.

Судом установлено, что спорный земельный участок с видом разрешенного использования “обслуживание автотранспорта” выделен Ц. в аренду для строительства автостоянки. На момент предоставления земельного участка в собственность за плату без проведения торгов на уча-

стке не имелось принадлежащего на праве собственности Ц. здания или сооружения, строительство которого было бы завершено и которое было бы введено в эксплуатацию в установленном законом порядке.

Подпунктами 1 и 14 ст. 39¹⁶ ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка, в том числе в случаях, если с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, которое в соответствии с земельным законодательством не имеет права на приобретение земельного участка без проведения торгов; разрешенное использование земельного участка не соответствует целям использования такого земельного участка, указанным в заявлении о предоставлении земельного участка.

По смыслу указанных норм во взаимосвязи с положениями подп. 6 п. 2 ст. 39³, п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ, подлежащих применению с учетом общих положений земельного законодательства, обязывающих собственников земельных участков и лиц, не являющихся собственниками земельных участков, использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением (ст. 42 ЗК РФ), возникновение исключительного права на приобретение земельного участка без проведения торгов зависит от достижения той цели, для которой он предоставлялся лицу (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021), утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г., п. 53).

Так, возведение на земельном участке объекта незавершенного строительства, не соответствующего по своему функциональному назначению виду разрешенного использования земельного участка, в том числе при наличии государственной регистрации права собственности на этот объект, не влечет возникновения у лица права на приобретение в собственность земельного участка в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 39²⁰ ЗК РФ.

Более того, по делу установлено и сторонами не оспаривается, что через полтора месяца после предоставления земельного участка в собственность Ц. осуществил снос двух объектов незавершенного строительства, располагавшихся на участке.

В Определении от 23 апреля 2020 г. № 935-О “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Волкова Льва Евгеньевича на нарушение его конституционных прав положениями Земельного кодекса Российской Федерации” Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что, развивая принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, Земельный кодекс РФ предусматривает для собственников зданий или сооружений исключительное право на приватизацию земельных участков, на которых эти объекты расположены, реализуемое без проведения торгов (подп. 6 п. 2 ст. 39³ и п. 1 ст. 39²⁰), а также порядок пользования чужим земельным участком лицами, которые приобрели в собственность здания или сооружения (п. 1 ст. 35). При этом указанный порядок обеспечивает необходимый баланс интересов собственников земельных участков и объектов капитального строительства, расположенных на этих участках, устанавливая границы допустимого использования чужого земельного участка, а именно лишь той его части, которая занята зданием или сооружением и необходима для их использования.

Таким образом, указанный выше принцип земельного законодательства, реализуемый в том числе при приватизации находящихся в публичной собственности земельных участков собственниками расположенных на них зданий и сооружений, подразумевает, что определение границ и площади соответствующего земельного участка должно производиться исходя из необходимости обеспечить функциональное использование расположенного на этом участке здания или сооружения, притом что размер земельного участка, предоставленного для строительства объектов недвижимости, может не совпадать с размером земельного участка, необходимого для эксплуатации этих объектов, поскольку данные цели различны.

Площадь предоставляемого земельного участка подлежит определению исходя из его функционального использования исключительно для эксплуатации расположенных на нем объектов и должна быть соразмерна площади объектов недвижимого имущества.

Из материалов дела видно, что на момент предоставления земельного участка в собственность Ц. ему принадлежали на праве собственности два объекта незавершенного строительства — контрольно-пропускные пункты площадью по 16,2 кв.м каждый. Площадь предоставленного в собственность земельного участка составляет 24 410 кв.м, что во много раз превышает площадь располагавшихся на нем объектов недвижимости. При этом указанный земельный участок был выделен Ц. в аренду для строительства автостоянки, а не для строительства контрольно-пропускных пунктов как самостоятельных объектов недвижимости.

Принимая во внимание, что спорный земельный участок не мог быть предоставлен Ц. в собственность за плату без проведения торгов, сделка купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г. между местной администрацией и Ц. является ничтожной сделкой, как посягающая на публичные интересы, заключенная с нарушением действующего законодательства и права неопределенного круга лиц на равный доступ к обороту земельных участков, находящихся в муниципальной собственности.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала незаконными выводы судов об отсутствии правовых оснований для признания договора купли-продажи земельного участка от 15 апреля 2019 г. недействительным, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 26-КГПР23-4-К5

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

4. При рассмотрении спора о признании наследником по завещанию, составленному наследодателем, имевшим последнее место жительства на территории иностранного государства, суд обязан определить применимое к возникшим наследственным отношениям право на основании положений пп. 1 и 2 ст. 1224 ГК РФ.

К.В. и К.Н. обратились в суд с иском к Б.Л., Б.Е., Б.В. о признании действительным завещания, составленного собственноручно Б., умершим 21 июня 2021 г., признании их наследниками Б. в равных долях имущества умершего, мотивируя свои требования тем, что Б. в пользу истцов было составлено собственноручное завеща-

ние от 21 октября 2019 г. в простой письменной форме, которая соответствует требованиям законодательства Княжества Монако, где Б. постоянно (преимущественно) проживал в последние годы своей жизни, в связи с чем завещание должно быть признано действительным в Российской Федерации, истцы — наследниками Б., а их доли в наследственном имуществе должны быть определены в размере 1/2.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, иски были удовлетворены.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала постановления судов вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Предусмотренное п. 2 ст. 1191 ГК РФ право лиц, участвующих в деле, представлять документы, подтверждающие содержание норм иностранного права, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений, и иным образом содействовать суду в установлении содержания этих норм не влечет освобождение суда от обязанности по установлению содержания норм иностранного права.

Именно для надлежащего исполнения указанной обязанности закон наделяет суд специальными (эффективными) средствами разрешения вопроса о содержании норм иностранного права: возможностью обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей либо привлечь экспертов или специалистов.

Согласно п. 1 ст. 1224 ГК РФ отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено данной статьей. Наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, — по российскому праву.

Способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права (п. 2 ст. 1224 ГК РФ).

Таким образом, п. 2 ст. 1224 ГК РФ устанавливает изъятие в отношении завещательной дееспособности наследодателя и формы составленного им завещания из закрепленного п. 1 статута наследования, подлежащего применению к основной части совокупности наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, и определяющего решение большинства вопросов наследования, в том числе о возможных основаниях перехода имущества по наследству (завещание, непосредственно закон, наследственный договор, дарение на случай смерти и др.), о составе наследства (имущество, которое входит в состав

наследства), о времени открытия наследства, о круге лиц, которые не могут быть наследниками, о свободе завещания и ее ограничениях (правила об обязательной доле в наследстве), о завещательном отказе, возложении и других обременениях, возлагаемых на наследников, о возможности завещания имущества под условием, об исполнении и исполнителях завещания, об особенностях наследования отдельных видов движимого имущества (имущественных долей в различных организациях корпоративного типа и др.).

Из изложенного следует, что исследованием вопроса о содержании норм иностранного права, подлежащих применению в рассматриваемом судом деле в соответствии с п. 2 ст. 1224 ГК РФ, определяющих завещательную дееспособность наследодателя и требования к форме завещания, обязанность суда по определению законов и иных нормативных правовых актов при разрешении подавляющего числа наследственных споров, осложненных иностранным элементом, исчерпываться не может.

Более того, отношения по наследованию завещанного имущества могут определяться правом иного государства, чем то, которым в соответствии с п. 2 ст. 1224 ГК РФ регулируется завещательная дееспособность наследодателя и форма завещания.

При рассмотрении данного дела, в рамках которого истцами были заявлены требования о признании завещания действительным, признании К.В. и К.Н. наследниками умершего Б., а также об определении их долей в размере 1/2 наследственного имущества каждому, суд был обязан в соответствии с законом определить применимое к наследственным правоотношениям право и установить его содержание применительно как к положениям п. 2 ст. 1224 ГК РФ, так и к положениям п. 1 этой статьи.

При разрешении спора по существу суд в нарушение возложенной на него законом обязанности по определению законов и иных нормативных правовых актов, подлежащих применению при принятии судебного постановления, фактически ограничился применением ст. 836 Гражданского кодекса Монако, определяющей требования к форме завещания. Содержание норм права, применимого к наследственным отношениям в силу п. 1 ст. 1224 ГК РФ, судом установлено не было.

Вопреки приведенным правовым нормам, суд первой инстанции, столкнувшись с правовым вопросом, фактически самоустранился от принятия необходимых мер для уяснения содержания норм иностранного права: самостоятельно за действием и разъяснением в компетентные органы не обратился, экспертов не привлек, доводы стороны ответчиков о необходимости обратиться в Минюст России и иные компетентные органы или организации для определения содержания применимых норм отклонил.

При установлении содержания указанной нормы иностранного права суд исходил из представленных стороной истцов справки, составленной профессором французского Университета Пантеон-Ассас, и правового заключения, оформленного адвокатом защиты Княжества Монако, без учета того, что исходя из требований приведенных выше норм российского гражданского закона предмет судебного исследования о содержании норм иностранного законодательства касается исключительно вопросов права.

Пленум Верховного Суда РФ в пп. 45, 46 постановления от 27 июня 2017 г. № 23 “О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом” внимание судов обратил на то, что при назначении арбитражным судом экспертизы в области иностранного права перед экспертом могут быть поставлены вопросы о содержании норм иностранного права, а не о правовой оценке отношений сторон и представленных доказательств, например о действительности спорного договора. При оценке заключения эксперта суд учитывает наличие в нем ссылки на нормы иностранного права, практику их официального толкования и применения, включая разъяснения судебных инстанций, примеры разрешения сходных конфликтных ситуаций, выдержки из правовой доктрины. Заключение эксперта не признается относимым и допустимым доказательством, если оно представляет собой анализ отношений сторон и представленных по делу доказательств (ст.ст. 67, 68 АПК РФ).

Равно и в гражданском процессе представленные лицами, участвующими в деле, в подтверждение содержания норм иностранного права заключения специалистов, наряду с иными доказательствами, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений, должны быть исследованы судом в соответствии с правилами оценки доказательств (ст. 67 ГПК РФ), в том числе применительно к вопросу их допустимости и относимости к предмету исследования — вопросу применимого права.

Такой оценки находившимся в материалах дела документам, представленным стороной истцов в обоснование содержания норм иностранного права, судом дано не было.

Более того, указанные заключения иностранных специалистов непосредственно оценивались и были приняты судом как доказательства надлежащего порядка толкования спорного завещания.

Давая толкование волеизъявлению наследодателя, т.е. устанавливая значение смысла содержащихся в завещании слов и выражений, как направленному на намерение передать все свое имущество непосредственно истцам, суд руководствовался правовой оценкой отношений сторон и представленных доказательств, данных в заключениях иностранных специалистов в праве, отклонив представленные стороной ответчиков лингвистические (психолого-лингвистические) заключения российских специалистов.

Вместе с тем процессуальная активность суда по исследованию вопросов права должна быть существенно выше, чем при решении вопросов по фактическим обстоятельствам дела.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также отметила, что спорное завещание составлено Б. на русском языке как его носителем, в то время как положенная судом в основу вынесенного решения данная в названных заключениях оценка волеизъявления наследодателя обосновывается иностранными специалистами различными переводами текста этого завещания на французский язык, в том числе возможности перевода русского слова “фонд” на французский язык в двух вариантах, от выбора одного из которых зависит вывод о необходимости создания юридического лица либо допустимости передачи наследственного имущества непосредственно истцам.

В таком случае принятие во внимание опосредованной трактовки иностранных специалистов

перевода на французский язык завещания, изначально составленного на русском языке, при наличии возможности исследования его оригинального текста в российском суде и соответствующего установления судом содержания выполненного на русском языке документа может приводить к приданию содержащимся в нем словам и выражениям толкования, противоречащего аутентичному смыслу, что недопустимо, а также не соответствует закреплённому российским процессуальным законом принципу непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств.

Изложенное, однако, не исключает обязанность суда по толкованию завещания системно в соответствии с правилами, установленными нормами права, подлежащего применению к спорным наследственным правоотношениям.

Определение № 5-КГ23-139-К2

Разрешение споров, возникающих из жилищных отношений

5. Переход общежития в частную собственность не является основанием для выселения лиц, вселенных в общежитие на законных основаниях.

Индивидуальный предприниматель П. (далее — ИП) обратилась в суд с иском к Р. и Г. (мать и сын) о признании утратившими права пользования жилым помещением и выселении из комнаты в общежитии, расположенной в многоквартирном доме, который до 2022 года находился в государственной собственности и принадлежал на праве хозяйственного ведения заводу.

Р. и Г. подали встречный иск к П. (новому собственнику дома) о сохранении права проживания и пользования спорным жилым помещением, которое было предоставлено Р. в связи с возникшими трудовыми отношениями с заводом в 1988—1989 годах. С 1999 года Р. и Г. состоят на учете в качестве нуждающихся в жилом помещении, иных жилых помещений не имеют. В период проживания в спорном жилом помещении, принадлежащем заводу, Р. производила оплату коммунальных платежей, требования от нового собственника о взыскании коммунальных платежей не предъявлялись.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции, руководствуясь ст. 304 ГК РФ, ст.ст. 92, 94, ч. 1 ст. 99, п. 1 ч. 2 ст. 103, ч. 2 ст. 105 ЖК РФ, ст. 108 Жилищного кодекса РСФСР, пришел к выводу о том, что правовых оснований для сохранения за Р. и Г. права пользования комнатой в общежитии не имеется, здание общежития принадлежит ИП, а действия ответчиков препятствуют осуществлению ее прав собственника в отношении принадлежащего ей имущества.

Оставляя без изменения решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции также указал на то, что ч. 2 ст. 105 ЖК РФ предусматривает, что прекращение трудовых отношений, обучения, а также увольнение со службы является основанием прекращения договора найма жилого помещения в общежитии. Доказательств наличия оснований для сохранения права пользования спорным жилым помещением, указанных в ч. 2 ст. 102 и ч. 2 ст. 103 ЖК РФ, ответчиками не представлено.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что при разрешении возникшего спора судами допущены существ-

венные нарушения норм права, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав в том числе следующее.

Согласно ст. 9¹ Федерального закона от 26 января 1996 г. № 15-ФЗ “О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации” (с учетом изменений и дополнений) к отношениям по пользованию жилыми помещениями, которые находились в зданиях, принадлежавших государственному или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям, и использовались в качестве общежитий или служебных жилых помещений, и не были переданы в ведение органов местного самоуправления в результате изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений, применяются нормы главы Гражданского кодекса РФ о договоре найма с учетом особенностей, установленных ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ “О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации”, если эти жилые помещения предоставлены гражданам на законных основаниях до даты изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений.

Согласно названной ч. 2 ст. 7 к отношениям по пользованию жилыми помещениями, которые находились в зданиях, принадлежавших государственному или муниципальным предприятиям либо государственным или муниципальным учреждениям, и использовались в качестве общежитий или служебных жилых помещений, и не были переданы в ведение органов местного самоуправления в результате изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений, если эти жилые помещения предоставлены гражданам на законных основаниях до даты изменения формы собственности или ликвидации указанных предприятий или учреждений, применяются нормы главы 35 ГК РФ о договоре найма, за исключением ст. 672, п. 2 ст. 674, ст.ст. 683 и 684, п. 1 ст. 687 ГК РФ, а также правила о расторжении краткосрочного договора найма абз. 2 п. 2 ст. 687 ГК РФ. К отношениям по пользованию жилыми помещениями, указанными в приведенной выше части, также применяются нормы ч. 2 ст. 60, чч. 2 и 3 ст. 83, ч. 1 ст. 154, чч. 1—5, 9¹—13 ст. 156, ст.ст. 157 и 159 ЖК РФ.

Статьей 675 ГК РФ предусмотрено, что переход права собственности на занимаемое по договору найма жилое помещение не влечет расторжения или изменения договора найма жилого помещения. При этом новый собственник становится наймодателем на условиях ранее заключенного договора найма.

Судом установлено и сторонами не оспаривалось, что Р. с сыном были вселены в спорное жилое помещение на законных основаниях до перехода к ИП права собственности на объект недвижимости (здание общежития), при этом, приобретая в собственность данный объект, ИП знала об обременении его правами третьих лиц, проживающих и зарегистрированных по месту жительства в жилых помещениях этого дома.

При таких обстоятельствах вывод суда об отсутствии правовых оснований для сохранения за Р. и Г. права пользования комнатой в общежитии нельзя признать обоснованным.

Определение № 67-КГ24-1-К8

Разрешение споров, связанных с выплатой страхового возмещения

6. Страховщик, подтвердивший действие договора выдачей страхового полиса и принявший от страхователя исполнение в виде страховой премии, не вправе ссылаться на незаключенность договора.

Г. обратился в суд с иском к страховой организации о взыскании страхового возмещения, компенсации морального вреда и штрафа в размере 50% от присужденных судом денежных сумм, ссылаясь на неисполнение ответчиком обязательств по договору добровольного страхования недвижимого имущества (жилого дома).

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции исходил из того, что в соответствии с условиями договора страхования принадлежащий истцу жилой дом не мог быть предметом страхования, поскольку он построен ранее 1960 года. Суд также указал, что несообщение страховщику об этом обстоятельстве вызывает сомнение в добросовестности и разумности действий страхователя.

С выводами суда первой инстанции согласились суды апелляционной и кассационной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда о правомерности отказа страховщика в выплате страхового возмещения не основанными на законе и установленных по делу обстоятельствах.

В силу ст. 432 ГК РФ договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (п. 1). Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной (п. 2). Сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3).

Из положений ст.ст. 929, 940, 942, 957 ГК РФ следует, что основанием для возникновения у страховщика обязательств по выплате страхового возмещения является договор страхования, который должен быть заключен в письменной форме, в том числе путем выдачи страховщиком полиса страхования, и который вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса, если иное не предусмотрено этим договором.

Таким образом, при разрешении спора о страховом возмещении подлежит установлению факт заключения договора страхования и уплаты страховой премии (взноса). При заключении договора добровольного страхования имущества объектом страхования является определенное имущество, страховым риском — характер события, на случай которого осуществляется страхование.

Судом по делу установлено, что страховая организация (ответчик) выдала Г. страховой полис-оферту, а Г., уплатив страховую премию в полном объеме, акцептовал данную оферту. Судом также установлено и сторонами не оспарива-

лось, что объектом страхования являлся жилой дом истца, а к числу страховых рисков относится его повреждение или уничтожение в случае пожара. Установленные судами обстоятельства свидетельствуют о заключении сторонами договора страхования названного выше имущества.

Согласно ст. 944 ГК РФ при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику. Существенными признаются во всяком случае обстоятельства, определенно оговоренные страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или в его письменном запросе (п. 1). Если договор страхования заключен при отсутствии ответов страхователя на какие-либо вопросы страховщика, страховщик не может впоследствии требовать расторжения договора либо признания его недействительным на том основании, что соответствующие обстоятельства не были сообщены страхователем (п. 2). Если после заключения договора страхования будет установлено, что страхователь сообщил страховщику заведомо ложные сведения об обстоятельствах, указанных в п. 1 этой статьи, страховщик вправе потребовать признания договора недействительным и применения последствий, предусмотренных п. 2 ст. 179 данного Кодекса (п. 3).

Таким образом, для страховых отношений установлены специальные последствия сообщения страхователем страховщику неполных или недостоверных сведений, а также условия и порядок применения этих последствий, что не было учтено судами при разрешении спора.

Из установленных судами обстоятельств следует, что, заключая договор страхования жилого дома истца, страховщик не предлагал истцу указать год постройки дома, а истец не сообщал страховщику ложных сведений об этом обстоятельстве.

Кроме того, применительно к положениям п. 3 ст. 432 ГК РФ судами не дана оценка соответствия принципу добросовестности заявления о незаключенности договора со стороны страховщика, подтвердившего действие договора выдачей страхового полиса и принявшего от страхователя исполнение в виде страховой премии.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 1-КГ24-1-КЗ

7. Основания ответственности нотариуса в связи с осуществлением им профессиональной деятельности с нарушением закона могут быть установлены судом одновременно с разрешением вопроса о наличии страхового случая и взыскании страхового возмещения со страховщика, застраховавшего риск гражданской ответственности нотариуса.

М. обратился в суд с иском к нотариусу К.А. о возмещении вреда, причиненного в результате совершения нотариального действия, в размере 1 500 000 руб.

Определением суда к участию в деле в качестве соответчика привлечена страховая компания.

Судом установлено, что 18 сентября 2020 г. нотариусом удостоверен договор купли-продажи

квартиры по цене 1 500 000 руб., заключенный между продавцом П. и покупателем М.

Вступившим в законную силу решением суда от 9 февраля 2021 г. по иску местной администрации к М. установлено, что П. умерла 3 декабря 2017 г. Суд признал недействительным договор купли-продажи квартиры от 18 сентября 2020 г., прекратил право собственности М. на указанную квартиру, признав на это имущество право муниципальной собственности.

Решением суда иски о требованиях оставлены без удовлетворения.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции признал установленным, что нотариусом при удостоверении договора купли-продажи квартиры не исполнена надлежащим образом обязанность удостоверить личность продавца, обратившегося за совершением нотариального действия. Суд апелляционной инстанции указал, что между действиями нотариуса и убытками истца имеется прямая причинно-следственная связь, поскольку нотариус не проявил необходимую для надлежащего исполнения своих обязанностей заботливость и осмотрительность при совершении нотариального действия.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции, указав также, что нотариус не лишен возможности обратиться к страховой компании для решения вопроса об осуществлении страховой выплаты в соответствии с условиями договора страхования гражданской ответственности.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала постановления судов апелляционной и кассационной инстанций вынесенными с нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно ч. 3 ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате вред, причиненный имуществу гражданина или юридического лица в случаях, указанных в чч. 1 и 2 данной статьи, возмещается за счет страхового возмещения по договору страхования гражданской ответственности нотариуса, или в случае недостаточности этого страхового возмещения — за счет страхового возмещения по договору коллективного страхования гражданской ответственности нотариуса, заключенного нотариальной палатой, или в случае недостаточности последнего страхового возмещения — за счет личного имущества нотариуса, или в случае недостаточности его имущества — за счет средств компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты.

В силу ст. 18 этих же Основ (в редакции, действующей на момент совершения нотариального действия) нотариус, занимающийся частной практикой, обязан заключить договор или договоры страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности со страховой организацией, аккредитованной Федеральной нотариальной палатой. Основные требования к условиям договора страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности устанавливаются данной статьей. Дополнительные требования к условиям договора страхования гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности определяются Федеральной нотариальной палатой. Нотариус не вправе выполнять свои обязанности и совершать нотариальные действия без заключения указанного договора страхования гражданской ответственности (ч. 1).

Объектом страхования по договору страхования гражданской ответственности являются имущественные интересы, связанные с риском ответственности нотариуса, занимающегося частной практикой, по обязательствам, возникающим вследствие причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу, обратившимся за совершением нотариального действия, и (или) третьим лицам при осуществлении нотариальной деятельности (ч. 2).

Страховым случаем по договору страхования гражданской ответственности нотариуса является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страховщиком факт причинения имущественного вреда гражданину или юридическому лицу действиями (бездействием) нотариуса, занимающегося частной практикой, в результате совершения нотариального действия, противоречащего законодательству Российской Федерации, либо неправомерного отказа в совершении нотариального действия, подтвержденного постановлением нотариуса, а также разглашения сведений о совершенном нотариальном действии (ч. 2).

Приведенные выше положения закона судами апелляционной и кассационной инстанций учтены не были.

По данному делу судом установлено, что по договору страхования гражданской ответственности при осуществлении профессиональной деятельности нотариусов, заключенному между страховой компанией и нотариусом К.А., выгодоприобретателями являются лица, которым может быть причинен имущественный вред при осуществлении страхователем нотариальной деятельности. Выгодоприобретателями в том числе являются граждане и юридические лица, обратившиеся к страхователю за совершением нотариального действия (п. 1.4). Страховым случаем является установленный вступившим в законную силу решением суда или признанный страховщиком факт причинения имущественного вреда выгодоприобретателям действиями (бездействием) страхователя, ответственность которого застрахована в результате совершения нотариального действия, противоречащего законодательству Российской Федерации, неправомерного отказа в совершении нотариального действия, подтвержденного постановлением страхователя, разглашения сведений о совершенном нотариальном действии (п. 2.2). Согласно порядку выплаты страхового возмещения страховщику необходимо представить вместе с заявлением на выплату страхового возмещения оригинал или заверенную копию вступившего в силу решения суда (пп. 12.4 и 12.4.4). Договор страхования заключен в соответствии с правилами страхования гражданской ответственности при осуществлении профессиональной деятельности нотариусов, утвержденными генеральным директором страховой компании.

Поскольку в качестве соответчика к участию в деле была привлечена страховая компания, суд апелляционной инстанции в силу положений ч. 3 ст. 196 и ч. 5 ст. 198 ГПК РФ должен был в резолютивной части решения указать вывод об удовлетворении иска (полностью или в части) либо об отказе в удовлетворении иска в отношении данного ответчика. Однако судом апелляционной инстанции какого-либо решения в части исковых требований к страховой компании принято не было.

Признавая факт отсутствия выводов суда апелляционной инстанции о требованиях к стра-

ховой компании, кассационный суд общей юрисдикции указал, что данное нарушение не может повлечь отмену апелляционного определения, поскольку по условиям договора страхования страховщику необходимо представить вместе с заявлением на выплату страхового возмещения оригинал или заверенную копию вступившего в силу решения суда.

Однако судом кассационной инстанции не учтено, что основания ответственности нотариуса за совершение нотариального действия с нарушением закона в случае возникновения спора могут быть установлены судом одновременно с разрешением вопроса о наличии страхового случая и взыскании страхового возмещения. Какого-либо предварительного судебного порядка установления факта наличия оснований ответственности нотариуса законом не предусмотрено.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 56-КГ23-18-К9

Разрешение споров о разделе имущества супругов

8. Единовременное пособие, выплачиваемое сотруднику полиции при полной или частичной утрате трудоспособности, вызванной увечьем (ранением, травмой, контузией) либо заболеванием, полученными им при исполнении служебных обязанностей, исключающей продолжение службы, обусловлено особыми обстоятельствами несения службы в полиции конкретного сотрудника, является индивидуально-определенной выплатой, носит целевой характер, ввиду чего оно не входит в состав совместно нажитого имущества, подлежащего разделу между супругами при расторжении брака.

Т. обратилась в суд с иском к Ю. (бывшему супругу) о разделе совместно нажитого имущества, указав в том числе полученные Ю. на основании ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ “О полиции” единовременное денежное пособие и ежемесячную денежную выплату в связи с утратой трудоспособности и получением инвалидности по военной травме.

Разрешая спор и удовлетворяя иск в части, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что единовременное пособие и выплата в связи с утратой трудоспособности и получением инвалидности по военной травме относятся к числу выплат, имеющих специальное целевое назначение, выплачены Ю. в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья, не относятся к числу имущества, нажитого супругами в период брака, и не подлежат разделу между супругами, отказав в удовлетворении этих требований.

Суд апелляционной инстанции в указанной части решение суда отменил и принял новое решение, которым иск Т. удовлетворил, полагая, что спорные суммы в силу ст. 34 СК РФ относятся к общему имуществу супругов, подлежащему разделу между ними в установленном законом порядке.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ постановления судов апелляционной и кассационной инстанций отменила в части удовлетворения требований, дело в этой части направила на новое апелляционное рассмотрение ввиду следующего.

В соответствии с положениями ст. 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие).

Согласно чч. 1, 5, 10 ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ “О полиции” жизнь и здоровье сотрудника полиции подлежат обязательному государственному страхованию за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий год.

При получении сотрудником полиции в связи с выполнением служебных обязанностей увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается единовременное пособие в размере двух миллионов рублей.

Служба в полиции, посредством прохождения которой граждане реализуют свое право на труд, представляет собой особый вид государственной службы, непосредственно связанной с обеспечением противодействия преступности, охраной общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности и, следовательно, осуществляемой в публичных интересах. На лиц, несущих такого рода службу, возложены конституционно значимые функции, что предполагает неукоснительное, в режиме жесткой дисциплины осуществление поставленных задач в любых условиях, в том числе сопряженных со значительным риском для жизни и здоровья. Этим предопределяется необходимость установления государством гарантий адекватного возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью сотрудникам полиции в связи с исполнением ими обязанностей службы.

Установление законодателем в ч. 5 ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ “О полиции” права сотрудника полиции на выплату единовременного пособия относится к формам реализации обязанности государства по возмещению указанной категории граждан вреда, причиненного их здоровью в связи с выполнением служебных обязанностей, имеет целью осуществление гарантированных им Конституцией Российской Федерации прав и компенсации последствий изменения их материального и социального статуса.

Указанное законоположение, являясь элементом особого публично-правового механизма возмещения вреда пострадавшим сотрудникам полиции, закрепляет одну из дополнительных гарантий, предоставляемых в случае невозможности продолжения службы в связи с получением увечья или иного повреждения здоровья при осуществлении служебной деятельности, и в системе действующего правового регулирования направлено на защиту их интересов, необходимость обеспечения эффективной государственной поддержки. Преследуя цель наиболее полно компенсировать сотрудникам полиции, здоровью которых был причинен вред в связи с исполнением обязанностей службы, неблагоприятные материальные последствия, вызванные увольне-

нием со службы, обусловленным невозможностью дальнейшего исполнения служебных обязанностей, законодатель наряду с ежемесячными денежными выплатами, непосредственно направленными на восполнение утраченного денежного довольствия, предусмотрел для них также выплату единовременного пособия при увольнении в связи с признанием их негодными к службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении служебных обязанностей. Данное единовременное пособие, будучи направленным на возмещение вреда здоровью, представляет собой дополнительную социальную гарантию, установленную специальным законом для соответствующей категории граждан, в отношении которых государство берет на себя компенсацию причиненного вреда как орган, действующий в публичных интересах.

Вместе с тем установленное действующим законодательством единовременное пособие при увольнении в связи с признанием сотрудников полиции негодными к службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении служебных обязанностей, не означает, что данная выплата относится к обязательным социальным выплатам в рамках социального обеспечения (ст.ст. 7 и 39 Конституции Российской Федерации).

Единовременное пособие при увольнении в связи с признанием сотрудников полиции негодными к службе вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных ими при исполнении служебных обязанностей, отличается от социальных выплат на основе обязательного социального страхования, поскольку их предоставление является конституционной обязанностью государства по возмещению вреда, причиненного здоровью таких граждан, что не может быть обусловлено какими-либо сборами, взносами в тот или иной фонд и не основывается на действии принципа солидарности поколений (как это характерно для обязательного социального страхования).

Единовременная выплата пособия сотруднику полиции при полной или частичной утрате трудоспособности, вызванной увечьем (ранением, травмой, контузией) либо заболеванием, полученными им при исполнении служебных обязанностей, исключающей продолжение службы, обусловлена особенностями службы в полиции, не является формой компенсации утраченного денежного содержания сотрудника и имеет специальное целевое назначение — реализацию конституционной публично-правовой обязанности государства по материальной и моральной поддержке сотрудников полиции, пострадавших при исполнении служебных обязанностей.

Соответственно, единовременное пособие, выплачиваемое сотруднику полиции при полной или частичной утрате трудоспособности, вызванной увечьем (ранением, травмой, контузией) либо заболеванием, полученными им при исполнении служебных обязанностей, исключающей продолжение службы, обусловлено особыми обстоятельствами несения службы в полиции конкретного сотрудника, является индивидуально-определенной выплатой, носит целевой характер, ввиду чего она не входит в состав совместно нажитого супругами имущества, подлежащего разделу при расторжении брака.

Определение № 25-КГ22-8-К4

Разрешение споров, связанных с социальными, трудовыми отношениями

9. При рассмотрении регрессных требований территориального фонда обязательного медицинского страхования к гражданину, причинившему вред другому лицу по неосторожности, о возмещении расходов на оплату медицинской помощи, оказанной потерпевшему за счет средств фонда, суд вправе с учетом имущественного положения причинителя вреда уменьшить размер возмещения на основании п. 3 ст. 1083 ГК РФ.

Прокурор, действуя в интересах территориального фонда обязательного медицинского страхования субъекта Российской Федерации (далее — территориальный фонд), ссылаясь на положения Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации”, ст. 1081 ГК РФ, обратился в суд с иском к С., 19 мая 1947 года рождения, о возмещении расходов на лечение М. в общей сумме 78 310 руб. 92 коп.

В обоснование требований прокурор указал, что прокуратурой проведена проверка по информации территориального фонда, касающейся вопроса взыскания в порядке регресса с виновного лица — С. денежных средств, затраченных на оказание медицинской помощи М., пострадавшему от действий С.

Приговором суда от 3 марта 2021 г., вступившим в законную силу, С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ (нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека). В ходе рассмотрения уголовного дела было установлено, что в результате неосторожных действий С. водителю М. причинены телесные повреждения, квалифицированные как тяжкий вред здоровью, в связи с чем М. в период с 27 июля по 25 августа 2020 г. находился на стационарном лечении в городской больнице.

Медицинская помощь, оказанная потерпевшему М., была в полном объеме оплачена за счет средств территориального фонда, стоимость лечения М. составила 78 310 руб. 92 коп.

Суд апелляционной инстанции, рассматривая дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных главой 39 ГПК РФ, отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя исковые требования прокурора, действующего в интересах территориального фонда, о взыскании с С. в порядке регресса расходов на лечение М., со ссылкой на положения ст. 1081 ГК РФ, ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” исходил из того, что территориальный фонд обязательного медицинского страхования при несении расходов на оказание медицинской помощи застрахованному лицу имеет право регрессного требования непосредственно к лицу, причинившему вред. Учитывая, что лечение М. в медицинском учреждении было осуществлено в полном объеме за счет средств территориального фонда, при этом вред здоровью потерпевшему М. был причинен действиями С., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что на С. должна быть возложена гражданско-правовая ответственность по возмещению территориальному фонду понесенных расходов на лечение пострада-

давшего в дорожно-транспортном происшествии М. в размере 78 310 руб. 92 коп.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение суда апелляционной инстанции оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций в части определения размера подлежащей взысканию с С. в пользу территориального фонда в порядке регресса денежной суммы сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права ввиду следующего.

Из положений ст.ст. 3, 12, 13, 16, 31, 34 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ “Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации” следует, что в рамках обязательного медицинского страхования, представляющего собой систему создаваемых государством мер, направленных на обеспечение при наступлении страхового случая (в том числе при причинении вреда здоровью застрахованного лица) гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования, обязательства по оплате медицинской помощи исполняются территориальным фондом обязательного медицинского страхования. В свою очередь, территориальный фонд обязательного медицинского страхования, управляющий средствами обязательного медицинского страхования на территории субъекта Российской Федерации, предназначенными для обеспечения гарантий бесплатного оказания застрахованным лицам медицинской помощи в рамках программ обязательного медицинского страхования, с целью возмещения понесенных им расходов имеет право регрессного требования к непосредственному причинителю вреда.

Пунктом 1 ст. 1081 ГК РФ предусмотрено, что лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Оплата оказанной потерпевшему М. в городской больнице медицинской помощи, осуществленная территориальным фондом, требование о взыскании расходов на которую с С. в порядке регресса заявлено прокурором в интересах территориального фонда, исходя из ее характера и правовой природы является выплатой в возмещение вреда, причиненного здоровью гражданина, в связи с чем указанные выше положения закона, предусматривающие право территориального фонда на предъявление регрессных исков о возмещении понесенных расходов непосредственно к лицу, ответственному за причинение вреда, подлежат применению к спорным отношениям во взаимосвязи с соответствующими нормативными положениями ГК РФ, регулирующими отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни и здоровью гражданина (глава 59 “Обязательства вследствие причинения вреда”).

Пунктом 3 ст. 1083 ГК РФ определено, что суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случа-

ев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

По смыслу п. 3 ст. 1083 ГК РФ и разъяснений по его применению, содержащихся в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина”, суд, возлагая на гражданина, причинившего вред в результате неумышленных действий, обязанность по его возмещению, может решить вопрос о снижении размера возмещения вреда. При этом суду надлежит оценивать в каждом конкретном случае обстоятельства, связанные с имущественным положением гражданина — причинителя вреда.

В результате неприменения к спорным отношениям положений п. 3 ст. 1083 ГК РФ суд апелляционной инстанции не вынес на обсуждение сторон вопрос о наличии правовых оснований для уменьшения размера возмещения вреда, причиненного С. по неосторожности, с учетом его имущественного положения и в нарушение ч. 2 ст. 56 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ не определил обстоятельства, связанные с его материальным положением, в качестве юридически значимых при разрешении заявленных прокурором в интересах территориального фонда требований. Данные обстоятельства суд апелляционной инстанции не выяснял и не устанавливал, они не вошли в предмет доказывания по делу и какой-либо правовой оценки в апелляционном определении суда апелляционной инстанции, вопреки требованиям п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ, не получили.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также обратила внимание на то, что С. в кассационной жалобе на апелляционное определение суда апелляционной инстанции приводил доводы о том, что судом апелляционной инстанции при разрешении данного спора не был рассмотрен вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с С. с учетом его имущественного положения, а также того, что он является пожилым пенсионером (75 лет), пенсия для него — единственный источник средств к существованию, с него по вступившему в законную силу приговору суда от 3 марта 2021 г. взыскивается в пользу М. возмещение морального вреда в размере 200 000 руб. и расходы на оплату услуг представителя 60 000 руб.

Кассационный суд общей юрисдикции не рассмотрел доводы кассационной жалобы С. относительно необходимости применения положения п. 3 ст. 1083 ГК РФ, допущенные судом апелляционной инстанции нарушения не устранил.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Определение № 117-КГ23-4-К4

10. Для признания супруга умершего (погибшего) военнослужащего находившимся на его иждивении в целях назначения пенсии по случаю потери кормильца на общих основаниях (ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1) необходимо наличие обязательного условия — нетрудоспособности супруга на день смерти военнослужащего.

Л. 23 ноября 2021 г. обратилась в суд с иском к военному комиссариату, просила установить факт ее нахождения на иждивении супруга — военнослужащего О. на дату его смерти в целях на-

значения ей пенсии по случаю потери кормильца по линии Минобороны России на основании ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I "О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей" (далее — Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I).

Судом установлено и следует из материалов дела, что Л. состояла в зарегистрированном браке с О., проходившим военную службу по контракту, заключенному по 3 апреля 2016 г.

О. умер 17 августа 2013 г., смерть его наступила при нахождении в отпуске за 2013 год в период прохождения им военной службы и не была связана с исполнением обязанностей военной службы.

Л. на дату смерти супруга О. была трудоустроена в коммерческую организацию, 15 ноября 2013 г. уволена по собственному желанию, 18 ноября 2013 г. вновь трудоустроилась в эту же организацию, откуда уволилась 27 февраля 2015 г. В дальнейшем — с 2 марта 2015 г. по 19 июня 2020 г. — работала в различных организациях.

Суд первой инстанции, удовлетворяя исковое заявление Л. об установлении факта нахождения на иждивении О. на дату его смерти 17 августа 2013 г., исходил из того, что заработок О. значительно превышал заработок Л., в связи с чем признал, что доход О. был основным источником дохода Л., а также принял во внимание, что супруги (О. и Л.) проживали вместе, на момент рассмотрения дела в суде Л. достигла возраста 55 лет (18 ноября 2021 г.), ввиду чего установил факт нахождения Л. на иждивении О. на дату его смерти — 17 августа 2013 г.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение об отказе в удовлетворении иска. Суд апелляционной инстанции, установив, что Л. на дату смерти О. (17 августа 2013 г.) не достигла возраста 55 лет, т.е. являлась трудоспособным членом семьи умершего О., на дату смерти О. она была трудоустроена и работала до 19 июня 2020 г., пришел к выводу, что у Л. не имеется права на назначение пенсии по случаю потери кормильца по ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I.

Суд апелляционной инстанции также отметил, что у Л. отсутствует и право на пенсию по случаю потери кормильца на льготных условиях по ч. 1 ст. 30 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, так как доказательств факта наступления смерти О. вследствие военной травмы представлено не было.

Суд апелляционной инстанции, ссылаясь на ч. 1 ст. 264 ГПК РФ, счел, что при таких обстоятельствах в данном случае установление в судебном порядке факта нахождения Л. на иждивении умершего супруга О. не влечет для нее юридических последствий в виде назначения пенсии по случаю потери кормильца, следовательно, у суда первой инстанции оснований для удовлетворения требований О. об установлении факта нахождения на иждивении супруга не имелось.

Кассационный суд общей юрисдикции отменил апелляционное определение и оставил в силе решение суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы кассационного суда общей юрисдикции основанными на неправильном применении норм материального права и сделанными с нарушением норм процессуального права по следующим основаниям.

Из нормативных положений п. "а" ст. 21, ст.ст. 28, 29, ч. 1 ст. 30, ст. 31 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I следует, что право на получение пенсии по случаю потери кормильца по линии Минобороны России на общих основаниях (ст. 29 названного Закона) имеет нетрудоспособный супруг умершего (погибшего) военнослужащего, достигший соответствующего возраста (мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет) или являющийся инвалидом, состоявший на иждивении умершего (погибшего) военнослужащего. Факт нахождения супруга на иждивении умершего (погибшего) может быть подтвержден решением суда, и такое решение относится к числу документов, на основании которых уполномоченным органом нетрудоспособному супругу умершего военнослужащего назначается пенсия по случаю потери кормильца по нормам Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I.

Для признания супруга умершего (погибшего) военнослужащего находившимся на иждивении в целях назначения пенсии по случаю потери кормильца по ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I необходимо установление одновременно следующих условий: нетрудоспособности супруга на день смерти (гибели) кормильца и нахождения его на полном содержании умершего (погибшего) или получения от него помощи, которая была для супруга постоянным и основным источником средств к его существованию. Отсутствие одного из указанных условий исключает возможность признания супруга умершего (погибшего) военнослужащего иждивенцем в целях пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца.

Для назначения пенсии по случаю потери кормильца на льготных условиях, т.е. по ч. 1 ст. 30 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, супругам лиц, указанных в ст. 1 этого Закона, требуется наличие таких условий, как достижение супругом соответствующего возраста (55 лет для мужчин и 50 лет для женщин) и наступление смерти кормильца вследствие военной травмы, которой признается ранение, контузия, увечье или иное заболевание, полученные им при исполнении обязанностей военной службы (служебных обязанностей).

Приведенные нормативные положения, регулирующие отношения, связанные с пенсионным обеспечением супруга умершего (погибшего) военнослужащего, в их взаимосвязи с нормами процессуального закона (ст.ст. 264, 265, 267 ГПК РФ) об условиях и порядке рассмотрения судом дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, кассационным судом общей юрисдикции применены неправильно.

Отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и соглашаясь с решением суда первой инстанции, установившего факт нахождения Л. на иждивении умершего супруга (военнослужащего О.), исходя исключительно из сопоставления размеров заработков супругов Л. и О. (доход О. значительно превышал доход истца Л.), а также из факта их совместного проживания, суд кассационной инстанции полагал, что этих обстоятельств достаточно для признания факта нахождения Л. на иждивении суп-

руга О. в целях определения права Л. на пенсию по случаю потери кормильца на общих условиях.

Однако кассационный суд общей юрисдикции не принял во внимание, что для того, чтобы факт нахождения супруга на иждивении умершего (погибшего) военнослужащего порождал для супруга юридические последствия в виде права на пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца, необходимо наличие еще одного обязательного условия, предусмотренного положениями ч. 1 ст. 29 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, а именно нетрудоспособности супруга на день смерти (гибели) кормильца (достижение супругом соответствующего возраста: мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет или наличие инвалидности).

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебное постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе апелляционное определение суда апелляционной инстанции.

Определение № 117-КГ23-9-К4

11. Признание членом семьи военнослужащего проживающего с ним малолетнего ребенка, его внука, закон связывает с установлением факта нахождения его на иждивении военнослужащего. В случае наличия у такого ребенка трудоспособных родителей, не лишенных родительских прав и проживающих совместно с военнослужащим, этот ребенок не может быть признан членом семьи военнослужащего и находящимся на его иждивении.

Военнослужащий П. 25 июня 2021 г. обратился в суд с иском к воинской части, Минобороны России о признании несовершеннолетней внучки О., родившейся 24 февраля 2020 г., членом его семьи.

В обоснование заявленных требований П. указал, что он проходит военную службу по контракту, зарегистрирован и проживает вместе с женой Т., детьми: сыном И., дочерью В., родившейся 28 октября 2000 г., и внучкой О. (дочь В.), родившейся 24 февраля 2020 г., в предоставленной ему на основании договора найма служебного жилого помещения в квартире. Его дочь В. (мать малолетней О.) в браке не состоит, не работает, является студенткой образовательного учреждения высшего профессионального образования, проходит обучение по очной форме на коммерческой основе, самостоятельного дохода не имеет, находится на иждивении П., все расходы по содержанию внучки О., с малолетнего возраста проживающей совместно с ним, несет истец.

П., ссылаясь на положения ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (далее — Федеральный закон № 76-ФЗ), предусматривающей право военнослужащих на обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений за счет средств федерального бюджета, пояснил, что признание его внучки О. членом его семьи, находящимся на его иждивении, необходимо для обеспечения ее жилищных и иных прав.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования П. о признании несовершеннолетней внучки — О. членом его семьи, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что внучка П. — О. является членом его семьи. При этом суд исходил из того, что П. постоянно проживает с дочерью В. и внучкой О. в одном жилом помещении, ведет с ними и другими членами семьи совместное хозяйство, он и члены его семьи имеют об-

щий бюджет, несут общие расходы на приобретение продуктов питания, имущества для совместного пользования, общими усилиями содержат малолетнюю О., дочь В. является членом его семьи и ведет с ним общее хозяйство, внучка О. вселена в жилое помещение в качестве члена семьи, дочь В. нигде не работает, обучается по очной форме обучения, отец ребенка алименты не выплачивает, имеет задолженность по алиментам.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил состоявшиеся по делу судебные постановления без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что при рассмотрении данного дела судами первой, апелляционной и кассационной инстанций были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Статьей 2 Федерального закона № 76-ФЗ определен круг лиц, на которых распространяются предусмотренные этим Федеральным законом социальные гарантии военнослужащих и членов их семей.

Пунктом 5 ст. 2 Федерального закона № 76-ФЗ военнослужащим и членам их семей устанавливаются социальные гарантии и компенсации, которые предусмотрены данным Федеральным законом, федеральными конституционными законами и федеральными законами. К членам семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются указанные социальные гарантии, компенсации, если иное не установлено этим Федеральным законом, другими федеральными законами, относятся: супруг(а), несовершеннолетние дети, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

Таким образом, в соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона № 76-ФЗ лица, находящиеся на иждивении военнослужащего, фактически уравниваются в правах на социальные гарантии с членами его семьи, если иное не установлено другими федеральными законами.

По смыслу ст. 31 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-І «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» члены семьи военнослужащего считаются состоящими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию.

В п. 3 ст. 1 СК РФ закреплен принцип заботы о благосостоянии и развитии детей, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Пунктом 1 ст. 80 СК РФ установлено, что родители обязаны содержать своих несовершенно-

летних детей. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно.

Местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их законных представителей — родителей, усыновителей или опекунов (п. 2 ст. 20 ГК РФ).

Следовательно, положениями СК РФ установлена прямая обязанность родителей содержать своих несовершеннолетних детей, заботиться об их благосостоянии и развитии.

Как установлено судом, матерью малолетней О. является дочь военнослужащего П. — В., 2000 года рождения, которая родительских прав в отношении своей дочери О. не лишена и является трудоспособной. В. состояла в браке с отцом малолетней О. — Э. (брак расторгнут 26 ноября 2019 г.), в отношении Э. в установленном законом порядке также не принималось решения о лишении родительских прав. Таким образом, у малолетней О. имеются трудоспособные родители (отец Э. и мать В.), на которых в силу ч. 1 ст. 80 СК РФ возложена прямая обязанность по содержанию своего ребенка О.

Суждение судов первой и апелляционной инстанций о том, что малолетняя О. должна быть признана членом семьи военнослужащего П., поскольку находится на его иждивении, истец несет расходы по содержанию внучки О., мать малолетней О. — В. трудовую деятельность не осуществляет, обучается по очной форме обучения в образовательном учреждении высшего профессионального образования, отец ребенка Э. на содержание О. алименты не выплачивает и имеет задолженность по алиментным обязательствам, сделано без учета норм СК РФ об обязанности родителей содержать своих несовершеннолетних детей.

Вследствие неправильного применения норм материального права и нарушения ч. 2 ст. 56 и ч. 1 ст. 196 ГПК РФ (определение судом обстоятельств, имеющих значение для дела) судебными инстанциями сделан вывод об удовлетворении заявленных П. требований о признании малолетней О. членом семьи военнослужащего, не основанный на установленных судом, имеющих значение для разрешения спора обстоятельствах, свидетельствующих о том, что родители малолетней О. (отец Э. и мать В.) имеют какие-либо объективные препятствия (например, болезнь, инвалидность) для выполнения установленной законом прямой обязанности родителей содержать своего ребенка или обстоятельства, указывающие на утрату малолетней О. родительского попечения (ст. 121 СК РФ).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также обратила внимание на ошибочность вывода судебных инстанций о том, что малолетняя О. находится на иждивении П., так как была вселена в предоставленное ему на основании договора найма служебное жилое помещение в качестве члена его семьи, указав, что судебными инстанциями не были приняты во внимание положения п. 2 ст. 20 ГК РФ, в соответствии с которыми местом жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, признается место жительства их законных представителей — родителей. Малолетняя О. была вселена в указанное жилое помещение по месту проживания своей матери — В., а не как член семьи военнослужащего П., чему судами не была дана правовая оценка.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила принятые по данному делу судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 4-КГ23-45-К1

12. Льготный порядок исчисления размеров пенсий предусмотрен для лиц начальствующего состава в званиях полковника и выше, переведенных по решению руководителя министерства или соответствующей федеральной службы в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет. Названным лицам пенсия за выслугу лет может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода.

К. обратился в суд с иском к главному управлению внутренних дел по субъекту Российской Федерации (далее — ГУ МВД по субъекту Российской Федерации) о признании права на исчисление пенсии за выслугу лет исходя из оклада по должности по 20 тарифному разряду в размере 16 500 руб., возложении обязанности произвести перерасчет размера пенсии за выслугу лет и денежных выплат при увольнении исходя из оклада по штатной должности по этому тарифному разряду.

В обоснование исковых требований К. указал, что с 9 апреля 1998 г. по 11 февраля 2019 г. проходил службу в органах внутренних дел в различных должностях, имеет специальное звание “майор полиции”, до 1 сентября 2015 г. К. занимал должность эксперта отдела ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации, оклад месячного денежного содержания по этой должности соответствует 20 тарифному разряду.

В дальнейшем приказом начальника ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации К. в связи с организационно-штатными мероприятиями с 1 сентября 2015 г. переведен на должность эксперта отдела межмуниципального управления МВД России с сохранением тарифного разряда (20 тарифный разряд), установленного по прежней занимаемой им должности, оклад месячного денежного содержания по вновь замещаемой К. должности соответствовал 15 тарифному разряду в размере 15 600 руб.

Приказом межмуниципального управления МВД России от 5 февраля 2019 г. № 19 л/с К. уволен со службы в органах внутренних дел по п. 8 ч. 2 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (по состоянию здоровья — на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе). Выслуга лет К. в календарном исчислении составила 24 года 10 месяцев 3 дня.

С 11 февраля 2019 г. К. назначена пенсия за выслугу лет, размер которой ГУ МВД по субъекту Российской Федерации был исчислен из оклада по должности эксперта отдела межмуниципального управления МВД России по 15 тарифному разряду в размере 15 600 руб.

Истец полагал, что расчет размера пенсии за выслугу лет и причитающихся при увольнении денежных выплат должен производиться из размера должностного оклада по 20 тарифному разряду — 16 500 руб., сохраненного ему при переводе в 2015 году на нижестоящую должность в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением, иски были признаны обоснованными и удовлетворены.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил решение суда первой инстанции и апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что в данном деле судебными инстанциями были допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Порядок пенсионного обеспечения лиц, проходивших военную службу, иных категорий лиц и их семей урегулирован Законом РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей” (наименование закона приведено на дату назначения К. пенсии за выслугу лет — 11 февраля 2019 г., далее — Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I)¹.

Абзацем 1 п. 8 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 “О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации” (наименование постановления приведено в редакции на дату назначения К. пенсии за выслугу лет, далее — постановление Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941) установлено, что пенсия уволенным со службы военнослужащим, лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, войск Росгвардии исчисляется из суммы их денежного довольствия, указанного в пп. 9 и 10 данного постановления, с повышением (индексацией) этого денежного довольствия по состоянию на день назначения или перерасчета им пенсии.

¹С 1 января 2020 г. наименование закона — Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-I “О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей”.

В соответствии с абз. 1 подп. “б” п. 9 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 в денежное довольствие, учитываемое при исчислении пенсий в порядке, предусмотренном п. 8 названного постановления, необходимо включать уволенным со службы лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел (кроме указанных в подп. “д” и “е” п. 9) — оклад по последней штатной должности (с учетом абз. 2 данного подпункта), оклад по специальному званию, присвоенному ко дню увольнения, и ежемесячную надбавку к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), исчисленную из этих окладов.

Лицам начальствующего состава в званиях полковника милиции (полиции), полковника внутренней службы, полковника юстиции и выше, переведенным по решению Министра внутренних дел РФ, Министра юстиции РФ, Министра РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, директора Федеральной службы войск национальной гвардии РФ — главнокомандующего войсками национальной гвардии РФ в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия при последующем увольнении их со службы может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода (абз. 2 подп. “б” п. 9 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 в редакции, действовавшей на день назначения К. пенсии за выслугу лет)².

Исходя из приведенных выше нормативных положений при исчислении пенсии за выслугу лет лицам рядового и начальствующего состава, проходившим службу в органах внутренних дел, по общему правилу учитывается оклад по последней штатной должности.

Вместе с тем постановлением Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 предусмотрено исключение из этого правила при исчислении размера пенсии за выслугу лет для лиц начальствующего состава органов внутренних дел в званиях полковника и выше, переведенных по решению Министра внутренних дел РФ в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех

²Абзац 2 подп. “б” п. 9 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 с 3 ноября 2022 г. действует в следующей редакции: “Лицам начальствующего состава в званиях полковника милиции (полиции), полковника внутренней службы, полковника юстиции и выше, переведенным по решению Министра внутренних дел Российской Федерации, Министра юстиции Российской Федерации, директора Федеральной службы судебных приставов, директора Федеральной службы исполнения наказаний, Министра Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия при последующем увольнении их со службы исчисляется исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода, либо исходя из оклада по последней штатной должности — по их выбору на основании заявления”.

лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет. Названным лицам при их последующем увольнении со службы в органах внутренних дел пенсия за выслугу лет может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода (абз. 2 подп. “б” п. 9 данного постановления).

Делая вывод о наличии оснований для перерасчета К. пенсии за выслугу лет исходя из оклада 16 500 руб. (20 тарифный разряд), который был сохранен К. при его переводе с 1 сентября 2015 г. с должности эксперта отдела ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации на должность эксперта отдела межмуниципального управления МВД России и выплачивался на день увольнения со службы в органах внутренних дел, суды приведенные нормативные положения применили неправильно и не учли, что при прекращении службы в органах внутренних дел и назначении пенсии за выслугу лет ее размер определяется исходя из оклада по последней штатной должности, а не из размера сохраненного оклада. Судебные инстанции также оставили без внимания, что только для лиц начальствующего состава в званиях полковника и выше, переведенных по решению руководителя министерства или соответствующей федеральной службы в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет, пенсия за выслугу лет может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода.

Вследствие неприменения к спорным отношениям положений абз. 2 подп. “б” п. 9 постановления Правительства РФ от 22 сентября 1993 г. № 941 суды первой и апелляционной инстанций не дали оценки тем обстоятельствам, что К. имел звание майора полиции, а не полковника полиции и выше, его перевод на нижестоящую должность был обусловлен проведением организационно-штатных мероприятий, а не состоянием его здоровья или возрастом, он был переведен на нижестоящую должность приказом временно исполняющего обязанности начальника ГУ МВД России по субъекту Российской Федерации, а не решением Министра внутренних дел РФ.

Признавая ошибочной ссылку суда первой инстанции в подтверждение своих выводов об удовлетворении иска К. на положения ч. 8 ст. 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила, что названный Федеральный закон регулирует правоотношения, связанные с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) сотрудника органов внутренних дел. К отношениям, касающимся пенсионного обеспечения уволенного со службы сотрудника органов внутренних дел, положения ч. 8 ст. 30 указанного Федерального закона, из которых следует, что сохраненный сотруднику органов внутренних дел при переводе на нижестоящую должность должностной оклад в разме-

ре, установленном по последней должности, которую он замещал до назначения на нижестоящую должность, учитывается при выплате денежного довольствия только в период прохождения этим сотрудником службы, не применяются. При прекращении сотрудником службы в органах внутренних дел и назначении пенсии в соответствии с нормами пенсионного законодательства учитывается его должностной оклад по последней штатной должности, а не должностной оклад, сохраненный сотруднику органов внутренних дел в порядке ч. 8 ст. 30 Федерального закона № 342-ФЗ при переводе его ранее на нижестоящую должность, что не было учтено судебными инстанциями.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 45-КГ23-18-К7

Процессуальные вопросы

13. Иски, связанные с возмещением вреда жизни или здоровью потерпевшего, в том числе и путем осуществления компенсационной выплаты в связи с гибелью близкого родственника, могут быть поданы заявителем по правилам альтернативной подсудности в суд по месту своего жительства.

Ц. обратился в суд с иском к Российскому Союзу Автостраховщиков (далее — РСА) о возмещении неустойки, указав в обоснование заявленных требований, что ответчиком ненадлежаще исполнены обязательства по выплате страхового возмещения по факту гибели его супруги в результате дорожно-транспортного происшествия.

Решением суда иск удовлетворен.

Апелляционным определением решение суда первой инстанции отменено, дело передано по подсудности для рассмотрения по существу в суд по месту нахождения филиала РСА.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и направила дело на новое апелляционное рассмотрение, указав на допущенное нарушение правил подсудности спора.

Согласно подп. “б” п. 1 ст. 18 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО) компенсационная выплата в счет возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, осуществляется в случаях, если страховое возмещение по обязательному страхованию не может быть осуществлено вследствие отзыва у страховщика лицензии на осуществление страховой деятельности.

В п. 1 ст. 19 указанного Закона предусмотрено, что к отношениям между потерпевшим и профессиональным объединением страховщиков по поводу компенсационных выплат по аналогии применяются правила, установленные законодательством Российской Федерации для отношений между выгодоприобретателем и страховщиком по договору обязательного страхования.

Таким образом, к компенсационным выплатам в связи со смертью потерпевшего по аналогии применяются правила, установленные для

соответствующих отношений между выгодоприобретателем и страховщиком.

Из п. 6 ст. 12 Закона об ОСАГО следует, что в случае смерти потерпевшего право на возмещение вреда переходит к лицам, имеющим право в соответствии с гражданским законодательством на возмещение вреда в случае смерти кормильца, при отсутствии таких лиц — к супругу, родителям, детям потерпевшего и гражданам, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода (выгодоприобретатели).

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” разъяснено, что в случае смерти потерпевшего в результате дорожно-транспортного происшествия право на получение страховой выплаты, предусмотренной п. 7 ст. 12 Закона об ОСАГО, принадлежит: нетрудоспособным лицам, состоявшим на иждивении умершего или имевшим ко дню его смерти право на получение от него содержания; ребенку умершего, родившемуся после его смерти; одному из родителей, супругу либо другому члену семьи независимо от его трудоспособности, который не работает и занят уходом за находившимися на иждивении умершего его детьми, внуками, братьями и сестрами, не достигшими четырнадцати лет либо хотя и достигшими указанного возраста, но по заключению медицинских органов нуждающимися по состоянию здоровья в постороннем уходе; лицу, состоявшему на иждивении умершего и ставшему нетрудоспособным в течение пяти лет после его смерти (ст. 1088 ГК РФ, п. 6 ст. 12 Закона об ОСАГО).

В отсутствие указанных лиц право на возмещение вреда имеют супруг, родители, дети потерпевшего, а также иные граждане, у которых потерпевший находился на иждивении, если он не имел самостоятельного дохода.

Таким образом, супруг потерпевшего, погибшего в результате дорожно-транспортного происшествия, при отсутствии указанных в п. 1 ст. 1088 ГК РФ лиц имеет право на получение компенсационной выплаты в соответствии с Законом об ОСАГО.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина” разъяснено, что иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, в том числе иски о компенсации морального вреда, могут быть предъявлены гражданином как по общему правилу территориальной подсудности — по адресу организации, так и в суд по месту своего жительства или месту причинения вреда (ст.ст. 28, 29 ГПК РФ).

Таким образом, действующее процессуальное законодательство по категории дел, связанной с возмещением вреда жизни, в том числе и путем осуществления компенсационной выплаты в связи с гибелью близкого родственника, предоставляет истцам дополнительную гарантию судебной защиты прав и законных интересов — возможность обращения с такими исками по правилам альтернативной подсудности, т.е. по месту своего жительства или месту причинения вреда.

То обстоятельство, что предметом иска Ц. является взыскание неустойки за просрочку осуществления компенсационной выплаты, связанной с гибелью его супруги, не исключает право истца на предъявление указанного иска с учетом положений ч. 5 ст. 29 ГПК РФ, которой предусмотрено, что иски о возмещении вреда, причиненного увечьем, иным повреждением здоровья или в результате смерти кормильца, могут предъявляться истцом также в суд по месту его жительства или месту причинения вреда.

Определение № 18-КГ23-175-К4

14. Публичный характер государственной регистрации прав на недвижимое имущество не исключает рассмотрение третейским судом спора о правах на недвижимое имущество между участниками третейского соглашения.

Отказ в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда по спору о правах на недвижимое имущество возможен, если государственным судом будет установлен факт недобросовестности сторон третейского разбирательства, создания видимости частноправового спора с целью регистрации прав на недвижимое имущество в обход закона и выводы об этом факте будут исчерпывающим образом мотивированы в определении суда.

М. обратился в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда (образован сторонами для разрешения конкретного спора) по делу по иску М. к Б. о признании права собственности на недвижимое имущество, которым за М. признано право собственности на земельный участок.

Отказывая в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, суд сослался на то, что вопрос о праве собственности на недвижимое имущество относится к исключительной компетенции государственных судов, поскольку данные отношения носят публично-правовой характер.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Согласно ст. 41 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации” арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если в нем не установлен иной срок исполнения. При подаче стороной в компетентный суд заявления в письменной форме арбитражное решение принудительно приводится в исполнение путем выдачи исполнительного листа в соответствии с данным Федеральным законом и положениями процессуального законодательства Российской Федерации. В силу п. 1 ст. 42 этого Федерального закона в приведении арбитражного решения в исполнение путем выдачи исполнительного листа может быть отказано лишь по основаниям, установленным процессуальным законодательством Российской Федерации.

Как предусмотрено п. 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”, основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной ре-

гистрации прав являются вступившие в законную силу судебные акты.

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ третейские суды, будучи альтернативной формой защиты права и действуя в качестве институтов гражданского общества, наделены публично значимыми функциями, но не входят в российскую судебную систему и не осуществляют судебную власть. Стороны спора, заключая соглашение о его передаче на рассмотрение третейского суда и реализуя тем самым свое право на свободу договора, добровольно соглашаются подчиниться правилам, установленным для такого суда, чье решение обязательно для сторон на основе добровольного исполнения, а принудительное исполнение находится за пределами третейского разбирательства и является задачей государственных судов и органов принудительного исполнения. При этом право на судебную защиту — полную, эффективную и своевременную — обеспечивается возможностью обратиться в предусмотренных законом случаях в государственный суд, в частности путем подачи заявления об отмене решения третейского суда либо о выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение (Постановление от 26 мая 2011 г. № 10-П, Определения от 26 октября 2000 г. № 214-О, от 15 мая 2001 г. № 204-О, от 20 февраля 2002 г. № 54-О, от 4 июня 2007 г. № 377-О-О и др.).

Применительно к гражданско-правовым спорам о правах на недвижимое имущество Постановлением от 26 мая 2011 г. № 10-П Конституционный Суд РФ признал не противоречащими Конституции Российской Федерации взаимосвязанные положения п. 1 ст. 11 ГК РФ, п. 2 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ “О третейских судах в Российской Федерации”, ст. 28 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, п. 1 ст. 33 и ст. 51 Федерального закона от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)”, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они допускают рассмотрение третейскими судами таких гражданско-правовых споров (в том числе об обращении взыскания на имущество, заложенное по договору об ипотеке) и государственную регистрацию соответствующих прав на основании решений третейских судов.

В п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 “О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража” разъяснено, что решение третейского суда, вынесенное по спору о правах на недвижимое имущество, в том числе не требующее принудительного приведения в исполнение, само по себе не является основанием для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав (ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”, ст. 43 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ “Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации”).

Для целей осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на основании такого решения

третейского суда требуется соблюдение процедуры, установленной главой 47 ГПК РФ, § 2 главы 30 АПК РФ. В связи с этим по указанной категории споров судам следует принимать к рассмотрению заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, даже если соответствующее решение по своей природе не требует принудительного приведения в исполнение (например, решения третейских судов о признании за истцом права собственности или иных прав на объекты недвижимого имущества, находящиеся на территории Российской Федерации).

В Постановлении от 3 октября 2023 г. № 46-П “По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 5 части 2 статьи 14 Федерального закона “О государственной регистрации недвижимости” в связи с жалобой гражданки Т.В. Солодовниковой” Конституционный Суд РФ указал, что и после реформы третейского разбирательства сохраняют силу его правовые позиции об отсутствии влияния необходимости государственной регистрации прав на недвижимое имущество на природу спора об этих правах: отношения по поводу регистрации нельзя считать элементом спорного правоотношения, суть которого остается гражданско-правовой, тогда как “публичный эффект” появляется лишь после удостоверения государством результатов сделки или иного юридически значимого действия.

Как указал Конституционный Суд РФ, нет оснований считать, что после реформы третейского разбирательства, после неоднократных изменений процессуального законодательства и норм, регламентирующих отношения по поводу учета недвижимости и регистрации прав на нее органами публичной власти, не могут быть защищены интересы лиц, не участвовавших в рассмотрении третейским судом спора о правах на недвижимое имущество, в том числе если в результате такого рассмотрения принято решение о признании или прекращении (полностью либо в части) права собственности на объект, применительно к которому у третьего лица мог быть свой интерес, и если в результате принятия арбитражного решения у третьего лица необоснованно возникнет установленная законом и вытекающая из абсолютных правоотношений между собственником и неограниченным кругом лиц обязанность не препятствовать собственнику в осуществлении его правомочий.

Согласно п. 5.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 3 октября 2023 г. № 46-П, поскольку публичный порядок включает в себя основополагающие принципы российского права, его нарушение — как основание для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 426 ГПК РФ, п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ — не может быть установлено ввиду лишь того обстоятельства, что гражданско-правовой спор, рассмотренный третейским судом и прямо не исключенный законодателем из числа способных быть предметом арбитража, обладает публичной значимостью. Вместе с тем констатация такого нарушения не исключается, если с учетом обстоятельств дела, в том числе обстоятельств заключения арбитражного соглашения, государственный суд сделает вывод о том, что стороны рассчитывают создать видимость частноправового спора и получить формальные основания для регистрации прав на недвижимость в

обход предписаний закона (например, заведомое отсутствие у сторон арбитражного соглашения прав на соответствующее имущество, отсутствие между ними гражданско-правового отношения, из которого мог бы возникнуть спор, передаваемый в третейский суд, и др.).

Создание видимости права (включая право на передачу спора в третейский суд), т.е. обман или иное намеренное искажение информации, способствующие получению несоразмерных преимуществ при вступлении в частно- и публично-правовые отношения, представляют собой, по сути, действия, направленные на обход закона с противоправной целью.

Тем самым принцип добросовестности (с учетом ст. 75¹ Конституции Российской Федерации) является одним из элементов публичного порядка Российской Федерации, а потому установленная государственным судом недобросовестность сторон третейского разбирательства — в том числе игнорирование ими интересов третьих лиц, создание видимости частноправового спора с целью его передачи на разрешение третейского суда и тем более злоупотребление правом — может послужить основанием для вывода о нарушении публичного порядка Российской Федерации и для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, но лишь при условии исчерпывающего обоснования государственным судом вывода о такой недобросовестности, которая к тому же не может следовать из того лишь обстоятельства, что предметом спора выступают права на недвижимое имущество (абз. 4 п. 5.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 3 октября 2023 г. № 46-П).

Во всяком случае, с учетом публично-правового значения деятельности третейских судов вывод о противоречии решения третейского суда публичному порядку должен быть мотивирован в определении государственного суда, который не вправе ограничиваться общим указанием на наличие такого нарушения. Отсутствие подробной мотивировки умаляет оказанное обществом доверие к деятельности третейских судов в качестве института альтернативного разрешения споров, влечет незаконность судебного решения как вынесенного с нарушением универсального требования о мотивированности судебных актов, отраженного в процессуальном законодательстве (ст. 198 ГПК РФ и ст. 170 АПК РФ) (абз. 2 п. 5.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 3 октября 2023 г. № 46-П).

С учетом изложенного отказ суда в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда только на том основании, что предметом спора в третейском суде являлись права на недвижимое имущество, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала незаконным.

Определение № 24-КГ24-1-К4

15. При отказе причинителя вреда от проведения экспертизы в целях проверки его доводов о неполном размере страхового возмещения, полученного потерпевшим по договору ОСАГО, суд разрешает спор на основании имеющихся в деле доказательств.

Общество (цессионарий) обратилось в суд с иском к Г. (причинитель вреда) и страховой компании о возмещении ущерба, причиненного повреждением автомобиля Ш. (потерпевший, цедент) в результате дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП), в виде разницы между выплаченным страховым возмещением и рыноч-

ной стоимостью восстановительного ремонта автомобиля потерпевшего без учета износа.

Судом в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, привлечен Ш.

По ходатайству ответчика Г., оспаривавшего перечень относящихся к ДТП повреждений автомобиля потерпевшего, а также размер ущерба, судом назначена транспортно-трасологическая экспертиза.

На разрешение эксперта поставлены предложенные ответчиком и согласованные сторонами в судебном заседании вопросы о соответствии повреждений автомобиля потерпевшего обстоятельствам ДТП и, с учетом ответа на предыдущий вопрос, о стоимости восстановительного ремонта по среднерыночным ценам.

Принимая во внимание результаты экспертизы и удовлетворяя требования к Г. (причинителю вреда), суд первой инстанции исходил из того, что страховая компания по соглашению с потерпевшим и в соответствии с подп. “ж” п. 16¹ ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО) правомерно осуществила страховое возмещение в денежной форме, рассчитанное в полном объеме в соответствии с Единой методикой определения размера расходов на восстановительный ремонт в отношении поврежденного транспортного средства, утвержденной положением Банка России от 4 марта 2021 г. № 755-П (далее — Единая методика), с учетом износа.

Соглашаясь с выводом суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал на то, что выплата по соглашению потерпевшего со страховщиком страхового возмещения в денежной форме вместо организации восстановительного ремонта является реализацией предусмотренного законом права потерпевшего (в данном случае — его правопреемника) и не лишает его возможности требовать полного возмещения ущерба с причинителя вреда.

С такими выводами судов первой и апелляционной инстанций согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся по делу судебные постановления соответствующими требованиям закона по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 15 ГК РФ установлено, что лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. В соответствии со ст. 1072 названного Кодекса юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935 ГК РФ), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Согласно преамбуле Закона об ОСАГО данный Закон определяет правовые, экономические и организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в целях защиты прав потерпевших. При этом в отличие от норм гражданского права о полном возмещении убытков

причинителем вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064 ГК РФ) Закон об ОСАГО гарантирует возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных этим Законом (абз. 1 ст. 3 Закона об ОСАГО). Страховое возмещение вреда, причиненного повреждением транспортных средств потерпевших, ограничено названным Законом как лимитом страхового возмещения, так и специальным порядком расчета страхового возмещения, осуществляемого в денежной форме — с учетом износа комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов), подлежащих замене, и в порядке, установленном Единой методикой.

В силу абз. 2 п. 23 ст. 12 Закона об ОСАГО с лица, причинившего вред, может быть взыскана сумма в размере части требования, оставшейся неудовлетворенной, в соответствии с данным Законом.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 8 ноября 2022 г. № 31 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — постановление Пленума № 31), причинитель вреда, застравовавший свою ответственность в порядке обязательного страхования в пользу потерпевшего, возмещает разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба только в случае, когда надлежащее страховое возмещение является недостаточным для полного возмещения причиненного вреда (ст. 15, п. 1 ст. 1064, ст. 1072, п. 1 ст. 1079, ст. 1083 ГК РФ).

При реализации потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты, в том числе в случаях, предусмотренных п. 16 ст. 12 Закона об ОСАГО, с причинителя вреда в пользу потерпевшего подлежит взысканию разница между фактическим размером ущерба и надлежащим размером страховой выплаты. Реализация потерпевшим права на получение страхового возмещения в форме страховой выплаты, в том числе и в случае, предусмотренном подп. “ж” п. 16¹ ст. 12 Закона об ОСАГО, является правомерным поведением и сама по себе не может расцениваться как злоупотребление правом (п. 64).

Как разъяснено в п. 65 постановления Пленума № 31, если в ходе разрешения спора о возмещении причинителем вреда ущерба по правилам главы 59 ГК РФ суд установит, что страховщиком произведена страховая выплата в меньшем размере, чем она подлежала выплате потерпевшему в рамках договора обязательного страхования, с причинителя вреда подлежит взысканию в пользу потерпевшего разница между фактическим размером ущерба (т.е. действительной стоимостью восстановительного ремонта, определяемой по рыночным ценам в субъекте Российской Федерации с учетом утраты товарной стоимости и без учета износа автомобиля на момент разрешения спора) и надлежащим размером страхового возмещения.

Как следует из судебных постановлений и материалов дела, после получения судом заключения эксперта о перечне повреждений автомобиля потерпевшего, относящихся к ДТП, и стоимости их восстановительного ремонта по рыночным ценам ответчик заявил возражения о том, что страховое возмещение выплачено не в полном размере.

Данный вопрос был поставлен судом на обсуждение сторон в судебном заседании, в том числе поставлен вопрос о назначении повторной судебной экспертизы для выяснения надлежащего размера страховой выплаты на основании Единой методики. Однако представитель ответчика заявил возражения против назначения такой экспертизы, ссылаясь на отсутствие, по его мнению, обязанности ответчика представлять такие доказательства. Ответчик поддержала возражения своего представителя.

При таких обстоятельствах и с учетом положений ст. 12 ГПК РФ о принципах состязательности сторон и ч. 1 ст. 56 ГПК РФ об обязанности стороны доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что в части размера страховой выплаты судами правомерно разрешен спор на основании имеющихся в деле доказательств, в том числе на основании материалов выплатного дела страховой компании, содержащего экспертное заключение, выполненное в соответствии с Единой методикой.

Определение № 11-КГ23-22-К6

16. В том случае, если суд не установит факты нарушения ответчиком прав истца, в защиту которых он обратился в судебном порядке, либо оспаривания ответчиком защищаемых истцом прав, то судебные издержки истца не подлежат возложению на ответчика.

Б. (собственник земельного участка) обратилась в суд с иском к К. (собственнику смежного земельного участка) и с учетом уточненных требований просила установить факт наличия реестровой ошибки в сведениях государственного кадастра недвижимости в отношении принадлежащего Б. земельного участка путем внесения в ЕГРН уточненных сведений о границах данного земельного участка, указав, что фактическая граница между земельными участками Б. и К. определена забором, споров между истцом и ответчиком не имеется. Также истец просила взыскать с ответчика судебные расходы по оплате землеустроительной экспертизы, по уплате государственной пошлины, на оплату услуг представителя.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, требования истца удовлетворены.

Кассационным судом общей юрисдикции постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся судебные постановления в части взыскания в пользу истца судебных расходов на оплату экспертизы и услуг представителя, направив дело в отмененной части на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

По смыслу ч. 1 ст. 98, ч. 1 ст. 100 ГПК РФ отнесение судебных расходов на ответчика обусловлено тем, что истцу (заявителю) пришлось обратиться в суд с требованием о защите права, нарушенного другой стороной (ответчиком), т.е. расходы возлагаются на лицо, следствием действий которого явилось нарушение права истца.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела” разъяснил, что не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, по-

несенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком (п. 19).

Таким образом, если суд не установит факты нарушения ответчиком прав истца, в защиту которых он обратился в судебном порядке, либо оспаривания им защищаемых истцом прав, то в таких случаях понесенные истцом судебные издержки не подлежат возмещению за счет ответчика.

Согласно ч. 3 ст. 61 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости” (в редакции, действующей на момент возникновения спорных отношений) воспроизведенная в Едином государственном реестре недвижимости ошибка, содержащаяся в межевом плане, техническом плане, карте-плане территории или акте обследования, возникшая вследствие ошибки, допущенной лицом, выполнившим кадастровые работы или комплексные кадастровые работы, или ошибка, содержащаяся в документах, направленных или представленных в орган регистрации прав иными лицами и (или) органами в порядке межведомственного информационного взаимодействия, а также в ином порядке, установленном названным Федеральным законом, либо в порядке, установленном для осуществления государственного кадастрового учета до дня вступления в силу данного Федерального закона, подлежит исправлению по решению государственного регистратора прав в течение пяти рабочих дней со дня получения документов, в том числе в порядке межведомственного информационного взаимодействия, свидетельствующих о наличии реестровых ошибок и содержащих необходимые для их исправления сведения, либо на основании вступившего в законную силу решения суда об исправлении реестровой ошибки (документов, обеспечивающих исполнение такого решения суда). Исправление реестровой ошибки осуществляется в случае, если такое исправление не влечет за собой прекращение, возникновение, переход зарегистрированного права на объект недвижимости, в порядке:

1) осуществления государственного кадастрового учета в связи с изменением объекта недвижимости, если реестровая ошибка содержится в документах, представленных ранее с заявлением об осуществлении одновременно государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав либо с заявлением об осуществлении государственного кадастрового учета соответствующего объекта недвижимости;

2) внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений, поступивших в порядке межведомственного информационного взаимодействия, если реестровая ошибка содержится в документах, представленных ранее в таком порядке;

3) внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений в уведомительном или ином предусмотренном федеральным законом порядке, если реестровая ошибка содержится в документах, представленных ранее в таком порядке.

В соответствии с ч. 4 указанной статьи в случаях, если исправление технической ошибки в записях и реестровой ошибки может причинить вред или нарушить законные интересы правообладателей или третьих лиц, которые полагались на соответствующие записи, содержащиеся в

Едином государственном реестре недвижимости, такое исправление производится только по решению суда. В суд с заявлением об исправлении технической ошибки в записях и реестровой ошибки также вправе обратиться орган регистрации прав.

Согласно ст. 56 ГПК РФ бремя доказывания наличия реестровой ошибки возлагается на лицо, требующее исправления такой ошибки.

По смыслу п. 56 совместного постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав” суд вправе сделать выводы о допущенной кадастровой (реестровой) ошибке только в том случае, если вносимые изменения не повлекут нарушений прав и законных интересов других лиц и при отсутствии спора о праве на недвижимое имущество.

Частями 1 и 7 ст. 39 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ “О кадастровой деятельности” предусмотрено, что местоположение границ земельных участков подлежит обязательному согласованию с заинтересованными лицами — правообладателями земельных участков, границы которых одновременно служат границами земельного участка, являющегося объектом кадастровых работ. Согласование местоположения границ по выбору кадастрового инженера проводится посредством проведения собрания заинтересованных лиц или согласования в индивидуальном порядке с заинтересованным лицом. В соответствии с чч. 2 и 3 ст. 40 данного Закона местоположение границ земельного участка считается согласованным в следующих случаях: при наличии в акте согласования местоположения границ земельного участка личных подписей всех заинтересованных лиц или их представителей; если надлежащим образом извещенное заинтересованное лицо или его представитель в установленный срок не выразили свое согласие посредством заверения личной подписью акта согласования либо не представили свои возражения о местоположении границ в письменной форме с их обоснованием. К межевому плану прилагаются документы, подтверждающие соблюдение установленного названным Федеральным законом порядка извещения указанного лица. Данные документы являются неотъемлемой частью межевого плана.

К. не извещалась кадастровым инженером о проведении кадастровых работ, что подтверждается материалами дела, в которых отсутствуют доказательства надлежащего извещения К. о необходимости согласования местоположения смежной с истцом границы, являющиеся согласно Закону о кадастре неотъемлемой частью межевого плана, при этом каких-либо нарушающих права истца действий со стороны заявителя судом не установлено, споры по фактическим границам между истцом и ответчиком отсутствуют.

С учетом изложенного, учитывая то, что при рассмотрении дела в суде против удовлетворения заявленных Б. требований К. не возражала, возложение на нее обязанности возмещения произведенных истцом судебных расходов Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала незаконным.

Определение № 4-КГ23-85-К1

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Споры, возникающие из обязательственных отношений

17. Покупатель сохраняет права, предусмотренные ст. 475 ГК РФ, и на случай выявления недостатков в товаре по истечении гарантийного срока, если указанные недостатки не были устранены во время гарантийного ремонта.

Между продавцом, покупателем и лизингополучателем заключен договор поставки автомобиля для последующей передачи лизингополучателю на условиях договора лизинга.

Продавцом предоставлена гарантия качества автомобиля в течение 36 месяцев после подписания сторонами акта приема-передачи или 100 000 км пробега (что наступит ранее).

Лизингополучатель в период гарантийного срока на автомобиль неоднократно обращался к продавцу для устранения различных недостатков по гарантии.

После ремонта в ходе эксплуатации автомобиля возникла неисправность двигателя, в связи с чем лизингополучатель обратился к продавцу с требованием о проведении гарантийного ремонта.

Отказ в проведении гарантийного ремонта со ссылкой на выход автомобиля из строя уже после истечения гарантийного срока послужил основанием для обращения в арбитражный суд с иском к продавцу о безвозмездном устранении недостатков товара и взыскании расходов на проведение экспертизы.

Суд первой инстанции иск удовлетворил, исходя из того, что изначальная неисправность двигателя автомобиля возникла и обнаружена в период гарантийного срока, а возникновение новой неисправности обусловлено ненадлежащим выполнением гарантийного ремонта автомобиля.

Апелляционный суд, установив, что неисправность двигателя автомобиля (выход его из эксплуатации) обнаружена за пределами гарантийного срока на автомобиль, отменил решение суда первой инстанции и отказал в удовлетворении иска.

Суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Пункт 3 ст. 477 ГК РФ предусматривает, что, если на товар установлен гарантийный срок, покупатель вправе предъявить требования, связанные с недостатками товара, при обнаружении недостатков в течение гарантийного срока.

Покупатель, предъявивший требование об устранении недостатков, должен доказать, что они возникли до истечения гарантийного срока, а продавец, не согласный с предъявленным требованием, подтвердить не только факт возникновения недостатков уже после передачи товара покупателю, но и их возникновение вследствие событий, оговоренных в п. 2 ст. 476 ГК РФ, за которые не отвечает продавец, в частности, в связи с ненадлежащей эксплуатацией товара самим потребителем.

По общему правилу, право на гарантийный ремонт обусловлено приобретением товара надлежащего качества. Обязанность по безвозмездному устранению недостатков товара (гарантийный ремонт) возлагается на изготовителя

(продавца) или организацию, выполняющую функции изготовителя (продавца) такого товара, независимо от того, кто непосредственно будет оказывать услугу или выполнять работу по гарантийному ремонту данного товара.

Следовательно, если качество товара не восстановлено после ранее проведенного продавцом или уполномоченным им лицом гарантийного ремонта (проведение ремонта повлекло за собой возникновение новых или повторное проявление неустранимых недостатков), покупатель не должен лишаться прав, гарантированных п. 1 ст. 475 ГК РФ.

Возможность применения покупателем средств защиты, установленных главой 30 ГК РФ, в таком случае должна сохраняться, поскольку это вытекает из существа законодательного регулирования гарантии качества товара, выдаваемой продавцом.

Выявленный экспертизой недостаток был обнаружен в гарантийный срок, произведена замена разрушившихся свечей на новые, однако вследствие неудаления остатков прежних свечей накаливания из камеры сгорания двигателя после гарантийного ремонта вышел из эксплуатации спустя несколько недель.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции установил, что в момент обнаружения недостатков срок, предусмотренный положениями ст. 477 ГК РФ, не истек. Следовательно, покупатель в данном случае правомерно предъявил требования к продавцу с учетом положений ст. 475, 477 ГК РФ об устранении недостатков по качеству товара, возникших в гарантийный период, а отказ в иске к продавцу нельзя признать соответствующим положениям ст. 475 ГК РФ.

Определение № 301-ЭС23-10631

18. При наличии возражений лизингополучателя относительно применения явно обременительных для него условий, установленных в стандартной форме договора лизинга, в том числе финансово непрозрачных условий, суд должен оценить допустимость применения соответствующих договорных условий и не вправе отклонить эти возражения только по той причине, что они не были высказаны при заключении договора.

В связи с ненадлежащим исполнением лизингополучателем обязательств по оплате лизинговых платежей лизингодатель в одностороннем порядке отказался от исполнения договоров лизинга, изъял предметы лизинга и организовал их продажу на торгах.

Лизингополучатель и цессионарий, которому часть требований была установлена лизингополучателем, обратились в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности, определив ее размер путем соотнесения встречных предоставлений по договорам лизинга.

Решением суда, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, иск удовлетворен частично.

Суды, определяя завершающую договорную обязанность, руководствовались п. 10.10 Правил предоставления имущества в лизинг, которые являются неотъемлемой частью договора и опубликованы на официальном сайте лизингодателя, применяемым к отношениям сторон (далее — Правила лизинга), согласно которым в расчет предоставления лизингодателя включается, в частности, «сумма закрытия сделки».

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, не является безграничным. Сочетаясь с принципом добросовестного поведения участников гражданских правоотношений, он не исключает оценку разумности и справедливости условий договора.

В частности, если условия договора определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах и могли быть приняты другой стороной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом, то применительно к пп. 1, 2 ст. 428 ГК РФ договор не должен содержать условий, лишаящих эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключать или ограничивать ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержать другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора.

Как следует из приведенных норм, при наличии возражений слабой стороны относительно применения явно обременительных для нее условий договора, в том числе финансово непрозрачных условий (например, при наличии убедительных оснований полагать, что вменяемая к уплате сумма не соответствует размеру “тела долга”, причитающимся процентам и санкциям), суд не вправе отклонить эти возражения только по той причине, что при заключении договора в отношении спорного условия не были высказаны возражения.

Если спорное условие договора явно нарушает баланс интересов сторон и его применение приводит к возникновению неблагоприятных последствий для экономически слабой стороны договора, а сторона, в интересах которой установлено спорное условие договора, не обосновала его разумность, суд в соответствии с п. 4 ст. 1, п. 2 ст. 10 ГК РФ в целях защиты прав слабой стороны разрешает спор без учета данного договорного условия, применяя соответствующие нормы законодательства.

В данном деле Правила лизинга представляют собой стандартную форму договора, разработанную лизингодателем как лицом, профессионально осуществляющим деятельность в сфере лизинга, применяемую ко всем контрагентам.

Установленный п. 10.10.1 Правил лизинга порядок определения сальдо встречных предоставлений не позволяет провести сравнение встречных предоставлений сторон непосредственным образом: требования лизингодателя основаны на “сумме закрытия сделки”, в отношении которой лизинговой компанией не представлены доказательства, раскрывающие принцип определения указанной суммы, в том числе не раскрыта применяемая для целей данного расчета процентная ставка, учтенные при ее определении расходы.

Таким образом, истцами аргументированы доводы о том, что расчет лизинговой компании носит непрозрачный характер, имеет признаки нарушения эквивалентности встречных предоставлений.

При этом Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отклонила доводы лизинговой компании о том, что заложенный в п. 10.10.1 Правил лизинга алгоритм определения сальдо по договорам лизинга фактически направлен на компенсацию заранее определенных ком-

панией потерь на согласованных договорных условиях применительно к правилам ст. 406¹ ГК РФ, в том числе издержек на содержание штата сотрудников по работе с проблемной задолженностью и юристов, ведение переговорного процесса с недобросовестными лизингополучателями и т.д.

Условие о возмещении возможных потерь в сделке кредитору именно по правилам ст. 406¹ ГК РФ не являлось явным и недвусмысленным, как этого требует п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 “О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств”.

Однако в договоре лизинга, Правилах лизинга отсутствует указание на конкретный заранее определенный размер имущественных потерь, которые должны с безусловностью наступить у лизингодателя в случае нарушения обязательств лизингополучателем и (или) при наступлении обстоятельств, связанных с исполнением договора, риск наступления которых несет лизингополучатель.

Принимая во внимание изложенное, вывод судов о допустимости применения п. 10.10 Правил лизинга при разрешении спора признан ошибочным, а дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-11168

19. Лизингополучатель вправе требовать от продавца возмещения убытков в виде процентов (платы за финансирование), уплаченных по договору лизинга, в случае поставки заведомо некачественного предмета лизинга, эксплуатация которого оказалась изначально невозможной.

Между истцом (лизингополучатель) и ответчиком (лизингодатель) заключены договоры лизинга, по условиям которых лизингодатель обязался приобрести в собственность у выбранного лизингополучателем продавца оборудование (предмет лизинга).

Во исполнение договоров лизинга лизингодатель обратился к продавцу для заключения договоров купли-продажи. Продавцом передано лизингополучателю оборудование с существенными недостатками, исключающими возможность его ввода в эксплуатацию, что послужило основанием для обращения лизингополучателя в арбитражный суд с иском к продавцу о возмещении убытков в виде уплаченных лизинговых платежей.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходили из отсутствия причинно-следственной связи между виновным поведением ответчика и убытками лизингополучателя в виде внесенных лизинговых платежей, которые в любом случае уплачивались бы истцом вне зависимости от факта работоспособности имущества.

При этом суды приняли во внимание правовую позицию, сформулированную в п. 10 Обзора судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27 октября 2021 г. (далее — Обзор по лизингу), согласно которой лизинговые платежи, уплаченные лизингодателю за период невозможности пользования предметом лизинга, не могут быть включены в состав убытков (реального ущерба) лизингополучателя, подлежащих взысканию с продавца за поставку товара ненадлежащего качества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные

по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

По смыслу положений ст.ст. 15, 393 ГК РФ возмещение убытков как мера ответственности носит компенсационный характер и направлено на восстановление имущественного положения лица.

Если прекращение договора вызвано неисполнением или ненадлежащим исполнением должником своего обязательства, кредитор вправе требовать приведения его в то имущественное положение, в котором он должен был бы оказаться в случае, если бы обязательство должника было исполнено надлежащим образом и цель договора была достигнута (абз. 2 п. 2 ст. 393, пп. 1, 2 ст. 393¹ ГК РФ).

Однако, принимая во внимание сложность доказывания убытков при прекращении договора, а также недопустимость снижения правовых гарантий потерпевшей стороны в связи с указанными обстоятельствами, сторона, не получившая ожидавшегося исполнения и вынужденная расторгнуть договор, вправе рассчитывать на то, что ее имущественное положение будет восстановлено, по крайней мере, до того уровня, который имел место до заключения договора с контрагентом.

В этом случае истец в соответствии с п. 4 ст. 1, пп. 1 и 2 ст. 15 и п. 3 ст. 393¹ ГК РФ вправе произвести альтернативный расчет убытков, включающий в себя расходы, которые возникли у него в связи с исполнением договора, в частности потребовать возмещения издержек, которые были понесены им в расчете на то, что договор будет исполнен надлежащим образом и цель договора будет достигнута.

По данному делу договоры купли-продажи заключались между продавцом, покупателем и лизингополучателем. Продавец по договорам купли-продажи был уведомлен о том, что оборудование приобретается для его дальнейшей передачи в лизинг (финансовую аренду) лизингополучателю по договорам лизинга.

Таким образом, поставляя заведомо некачественный товар, использование которого невозможно, продавец знал, что истец не сможет ввести его в эксплуатацию, но будет обязан оплачивать пользование финансированием, предоставленным лизинговой компанией (проценты), в составе лизинговых платежей.

Вместо того, чтобы отказаться от передачи товаров, качество которых заведомо не отвечало установленным требованиям, что исключило бы возникновение неблагоприятных экономических последствий у истца, продавец произвел отгрузку оборудования, тем самым спровоцировав возникновение ситуации, когда истец, ожидавший надлежащего исполнения договора от продавца, стал нести издержки, связанные с оплатой пользования предоставленным лизинговой компанией финансированием, но так и не получил возможность использовать необходимое ему оборудование.

При этом обстоятельства данного дела имеют существенные отличия от обстоятельств, которые изложены в п. 10 Обзора по лизингу, связанные, прежде всего, с невозможностью достижения цели договоров купли-продажи и удовлетворения интересов покупателя (лизингополучателя), поэтому выводы судов об отсутствии оснований для взыскания в пользу истца убытков, сделанные со ссылкой на указанный пункт, не могут быть признаны правомерными.

С учетом характера допущенного ответчиком нарушения договора, не позволившего реализовать имущественный интерес покупателя (лизингополучателя) в получении оборудования, в данном случае истец вправе произвести расчет размера убытков, основанный на возможности приведения ситуации в положение, существовавшее до заключения договора лизинга.

Ввиду того, что расчет убытков судами не проверялся и не установлен размер процентов, уплаченных истцом в составе лизинговых платежей, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 310-ЭС23-14012

20. Изменение условий налогообложения одной из сторон сделки само по себе не может служить основанием для уменьшения цены договора.

Между предприятием и обществом по результатам торгов заключен договор аренды объектов теплоэнергетического комплекса, арендная плата по которому была определена с учетом налога на добавленную стоимость (далее — НДС).

В связи с переходом на упрощенную систему налогообложения общество направило предприятию предложение о внесении изменений в договор для уточнения суммы арендной платы без включения в нее сумм НДС, а также определения порядка расчета размера арендной платы в случае возобновления у предприятия обязанности по уплате НДС.

Предприятие отказало во внесении изменений со ссылкой на то, что такое основание для уменьшения арендной платы, как изменение налоговых обязанностей арендодателя при его переходе на упрощенную систему налогообложения, действующим законодательством не предусмотрено.

Поскольку общество вносило арендную плату в меньшем размере, предприятие обратилось в арбитражный суд с требованием о взыскании задолженности по договору аренды.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходили из допустимости изменения цены (арендной платы) в сложившейся ситуации, поскольку арендодатель, не являющийся плательщиком НДС, не вправе требовать с арендатора оплаты такого налога, входящего в стоимость арендной платы по договору. Освобождение арендодателя от уплаты НДС влечет изменение размера арендной платы.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Предъявляемая к оплате сумма НДС является частью цены, подлежащей уплате одной стороной договора в пользу другой. Публично-правовые отношения по уплате НДС в бюджет складываются между налогоплательщиком, т.е. лицом, реализующим товары (работы, услуги), и государством. Покупатель товаров (работ, услуг) в данных отношениях не участвует.

Изменение условий налогообложения, произошедшее у одной из сторон сделки, например утрата продавцом (исполнителем, арендодателем и т.п.) статуса плательщика НДС и переход на применение специального налогового режима, по общему правилу, имеет только публично-правовые последствия и не влечет за собой пересмотр условий ранее совершенных названным лицом сделок, не может само по себе служить основанием для изменения цены договора по смыслу п. 2 ст. 310, пп. 1 и 2 ст. 424 ГК РФ.

Установленную договором цену покупатель (заказчик, арендатор) обязан уплатить вне зависимости от того, как продавец (исполнитель, арендодатель) должен распорядиться полученными средствами, в том числе безотносительно того, какие именно налоговые платежи в бюджет продавец (исполнитель, арендодатель) должен произвести в соответствии с законодательством о налогах и сборах и в каком размере.

В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении”, если одностороннее изменение условий обязательства совершено тогда, когда это не предусмотрено законом, иным правовым актом или соглашением сторон или не соблюдены требования к его совершению, то, по общему правилу, такое одностороннее изменение условий соглашения не влечет юридических последствий, на которые они были направлены.

Таким образом, арендатор вносил арендную плату в меньшем размере без установленного законом или договором основания.

При этом в отношении возможности изменить размер арендной платы по соглашению сторон отмечено, что свобода договора сторон по изменению условий договора, заключенного по результатам торгов в случае, когда его заключение в соответствии с законом допускается только путем проведения торгов, ограничена в установленном законом порядке (п. 4 ст. 421 ГК РФ, ч. 1, п. 1 ч. 3, ч. 5 ст. 17¹ Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции”).

Подпунктом 3 п. 114 Правил проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества, утвержденных приказом ФАС России от 10 февраля 2010 г. № 67 (далее — Правила), установлено, что документация об аукционе помимо информации и сведений, содержащихся в извещении о проведении аукциона, должна содержать порядок пересмотра цены договора (цены лота) в сторону увеличения, а также указание на то, что цена заключенного договора не может быть пересмотрена сторонами в сторону уменьшения.

Соответствующее указание в конкурсной документации и документации о торгах (подп. 3 п. 40, подп. 3 п. 114 Правил) призвано гарантировать отсутствие необоснованных экономических преимуществ победителям торгов при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием государственного или муниципального имущества.

Таким образом, арендная плата по договору аренды, заключенному по результатам торгов, проведение которых обязательно для заключения договора, не может быть уменьшена по соглашению сторон.

Определение № 308-ЭС23-10824

21. Отсутствие сведений о хозяйствующем субъекте в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства не является безусловным препятствием для применения льготной арендной ставки в отношении такого субъекта.

Между обществом и департаментом заключен договор аренды нежилого помещения без проведения торгов.

Впоследствии общество обратилось в арбитражный суд с требованием к департаменту о признании права на имущественную поддержку в виде льготной ставки арендной платы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной инстанции и округа, требования удовлетворены частично.

Суды исходили из того, что право на применение льготной арендной ставки возникло у истца на основании принятых Правительством Москвы нормативных актов, ответчиком не представлено доказательств несоответствия истца критериям для предоставления льготной арендной ставки, указанным в постановлении от 25 декабря 2012 г. № 800-ПП “О мерах имущественной поддержки субъектов малого предпринимательства, арендующих объекты нежилого фонда, находящиеся в имущественной казне города Москвы” (далее — постановление № 800-ПП). В связи с этим суды пришли к выводу, что льготная ставка арендной платы применяется, однако только к тем периодам, когда в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства были соответствующие сведения об истце.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

В целях реализации полномочий г. Москвы по управлению государственным имуществом, в соответствии с требованиями Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” (далее — Закон о малом и среднем предпринимательстве) принято постановление № 800-ПП, согласно которому субъектам малого предпринимательства установлена имущественная поддержка в виде льготной ставки арендной платы.

Таким образом, законодателем выделена специальная группа субъектов, обладающих определенными признаками, которой государством предоставлены льготы в определенных сферах деятельности.

С учетом цели предоставления хозяйствующим субъектам возможности применения льготных арендных ставок как меры их поддержки недопустим необоснованный отказ уполномоченного органа в реализации такого права субъектом.

Между тем суды, отказывая в удовлетворении требования о применении льготной арендной ставки за спорный период, не опровергая наличия у общества критериев относимости к субъектам малого и среднего предпринимательства, исходили из отсутствия в реестре сведений в отношении истца в спорный период.

Вместе с тем исходя из содержания вносимых сведений и цели ведения данного реестра внесение и исключение из него сведений носит учетно-информационный характер, представляет собой базу данных (сведений) о таких субъектах.

Как следует из взаимосвязанных положений ст.ст. 4 и 4¹ Закона о малом и среднем предпринимательстве, основанием отнесения хозяйствующего субъекта к субъектам малого предпринимательства является не наличие сведений о нем в реестре, а его соответствие предъявляемым законом требованиям и критериям (ст. 4 Закона о малом и среднем предпринимательстве).

Разрешая вопрос об отнесении хозяйствующего субъекта к субъектам малого и среднего

предпринимательства, суды, располагая информацией об отсутствии сведений о субъекте в реестре, не должны ограничиваться лишь этой информацией, поскольку такой факт не является безусловным препятствием для применения имущественной поддержки, в данном случае в виде льготной ставки арендной платы.

Факт соответствия хозяйствующего субъекта критериям, предъявляемым для получения статуса субъекта малого и среднего предпринимательства, подлежит проверке судом при рассмотрении спора, при этом сторона, возражающая относительно соответствия субъекта содержащимся в нормативных актах положениям, вправе опровергнуть этот факт.

Следует отметить, что постановление № 800-ПП, устанавливая ставки арендной платы для субъектов малого предпринимательства, при этом не содержит требования о необходимости подтверждения хозяйствующим субъектом статуса субъекта малого предпринимательства посредством наличия соответствующих сведений в реестре. Кроме того, не регламентировано и такое основание для отказа в предоставлении государственной поддержки, как отсутствие в реестре субъектов малого предпринимательства сведений о хозяйствующем субъекте.

При таких обстоятельствах судам следовало исследовать и оценить представленные заинтересованной стороной спора доказательства в порядке ст. 71 АПК РФ и установить, соответствует ли фактически хозяйствующий субъект в спорный период критериям, предъявляемым к субъектам малого и среднего предпринимательства и установленным ст. 4 Закона о малом и среднем предпринимательстве.

Определение № 305-ЭС23-14779

22. Право собственности на недвижимое имущество акционерного общества, которое создано в результате преобразования государственного (муниципального) предприятия в порядке, предусмотренном законодательством о приватизации, возникает с момента его государственной регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц.

Общество обратилось в арбитражный суд с требованием к регистрирующему органу о признании незаконным решения о приостановлении государственной регистрации в отношении объекта недвижимого имущества в связи с неуплатой государственной пошлины в полном объеме.

Суды трех инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований, исходили из того, что в результате приватизации предприятие, обладающее имуществом, закрепленным за ним собственником на праве хозяйственного ведения, преобразовалось в акционерное общество, став собственником имущества, сведения о котором были внесены в ЕГРЮЛ.

Суды сделали вывод, что преобразование унитарного предприятия в хозяйственное общество является способом реорганизации юридического лица, в этом случае не только происходит преобразование публичной собственности в частную, но и прекращается ранее существовавшее у государственного предприятия право хозяйственного ведения на имущество.

При внесении в ЕГРН записи в сведения об объекте недвижимости регистрирующий орган совершает регистрационные действия по прекращению права хозяйственного ведения государственного унитарного предприятия и права собственности на недвижимое имущество и вносит запись о возникновении права частной собствен-

ности образованного в порядке приватизации хозяйственного общества (при установлении включения этого имущества в передаточный акт), в силу чего за совершение такого действия должна взиматься государственная пошлина по правилам подп. 22 п. 1 ст. 333³³ НК РФ в размере 22 000 руб.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты, направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Согласно п. 1 ст. 34 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ “О государственных и муниципальных унитарных предприятиях” преобразование унитарных предприятий в организации иных организационно-правовых форм осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о приватизации.

В ст. 13 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ “О приватизации государственного и муниципального имущества” (далее — Закон о приватизации) в редакции, действующей на момент приватизации предприятия, закреплены способы приватизации государственного и муниципального имущества, в том числе в подп. 1 п. 1 данной статьи указан такой способ, как преобразование унитарного предприятия в открытое акционерное общество.

Таким образом, законодателем нормативно закреплён процесс приватизации унитарных предприятий посредством изменения их статуса с государственного, при котором предприятие не являлось собственником закрепленного за ним имущества, на частный с сохранением имущественной основы преобразуемого юридического лица и ее передачей открытому акционерному обществу с переходом соответствующего права собственности от публичного собственника имущества.

Согласно п. 1 ст. 37 Закона о приватизации хозяйственное общество, созданное путем преобразования унитарного предприятия, с момента его государственной регистрации в едином государственном реестре юридических лиц становится правопреемником этого унитарного предприятия в соответствии с передаточным актом, составленным в порядке, установленном ст. 11 данного Федерального закона, со всеми изменениями состава и стоимости имущественного комплекса унитарного предприятия, произошедшими после принятия решения об условиях приватизации имущественного комплекса этого унитарного предприятия.

Следовательно, в соответствии с прямым указанием закона при преобразовании юридического лица происходит универсальное правопреемство, в силу которого к правопреемнику переходит весь комплекс прав и обязанностей в полном объеме, в том числе и право собственности на недвижимое имущество, а у акционерного общества, созданного в результате преобразования государственного (муниципального) предприятия в порядке, предусмотренном законодательством о приватизации, с момента его государственной регистрации в ЕГРЮЛ.

В силу подп. 27¹ п. 1 ст. 333³³ НК РФ за государственную регистрацию перехода права собственности на объект недвижимости в связи с реорганизацией юридического лица в форме преобразования государственная пошлина уплачивается в размере 1000 руб.

Таким образом, в Налоговом кодексе РФ закреплена специальная норма, регулирующая размер государственной пошлины при регистрации перехода права собственности в связи с реорганизацией юридического лица в форме преобразования.

Определение № 309-ЭС23-13224

Практика применения законодательства о банках и банковской деятельности

23. Кредитная организация при осуществлении предусмотренного договором права на изменение в одностороннем порядке условий, касающихся взимания платы за совершение операций по счету (вознаграждение за расчетно-кассовое обслуживание), не вправе устанавливать такое вознаграждение в размере, препятствующем в силу значительности совершению клиентом банка законных операций по перечислению денежных средств другим лицам.

Между обществом и банком заключен договор банковского счета, по условиям которого банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету, соответствующих действующему законодательству.

Во исполнение заключенного между обществом и физическим лицом договора процентного займа общество направило в банк платежное поручение на перечисление на счет физического лица, открытого в банке, денежных средств в размере 13 300 000 руб.

На момент осуществления банковской операции Сборником тарифов вознаграждений за услуги, оказываемые банком, была установлена комиссия за услугу по перечислению денежных средств со счета клиента на счета физических лиц в размере 10% от перечисляемой суммы.

Не согласившись с размером комиссии, удержанной банком, и считая установленный размер комиссии чрезмерным и обременительным, общество обратилось в банк с претензией, в которой выразило требование о возврате неосновательного обогащения в размере 1 330 000 руб. с начислением процентов за пользование чужими денежными средствами.

Отказ банка в удовлетворении претензии послужил основанием для обращения общества в суд с соответствующим иском.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требований общества отказано.

Суды исходили из того, что условия об одностороннем изменении банком правил и тарифов согласованы сторонами при заключении договора, что не противоречит закону. При этом обществом не представлено доказательств того, что заключение договора на предоставление комплексного обслуживания в банке было вынужденным. Общество также не возражало относительно условий договора, до совершения спорной операции не представляло претензий/возражений относительно тарифов банка.

Рассматривая кассационную жалобу общества, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ обратила внимание на следующее.

В соответствии с п. 2 ст. 310 ГК РФ и чч. 1 и 5 ст. 29 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 “О банках и банковской деятельности” (далее — Закон № 395-1) комиссионное вознаграждение по операциям устанавливается кре-

дитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом. Кредитная организация вправе в одностороннем порядке изменять комиссионное вознаграждение в случаях, предусмотренных федеральным законом или договором с клиентом, являющимся субъектом предпринимательской деятельности.

Таким образом, включение в договор банковского счета условия об одностороннем изменении кредитной организацией условий договора, касающихся взимания платы (комиссионного вознаграждения) за совершение операций по счету, открытому субъекту предпринимательской деятельности, не противоречит закону.

Однако это не означает, что у судов отсутствует возможность контролировать соблюдение стороной, которая закрепила за собой право в одностороннем порядке изменять условия договора, принципа добросовестности.

Вводя комиссионное вознаграждение за совершение той или иной операции по счету и определяя его размер в одностороннем порядке, кредитная организация, действуя разумно и добросовестно по отношению к своим клиентам, не должна подрывать ожидания клиентов, размещающих денежные средства на счете и позволяющих кредитной организации извлекать выгоду из имеющихся на счете средств, в сохранении у них возможности беспрепятственного распоряжения своим имуществом (п. 2 ст. 845 ГК РФ), в том числе путем совершения законных операций по перечислению денежных средств другим лицам (п. 3 ст. 845 ГК РФ).

При осуществлении предусмотренного договором права на изменение в одностороннем порядке условий, касающихся комиссионного вознаграждения по операциям, кредитная организация не должна вводить комиссионное вознаграждение, которое в силу значительности своего размера начинает препятствовать совершению клиентами банка экономически обоснованных операций по счетам, т.е. приобретает заградительный характер.

Судами установлено, что при заключении с клиентом-обществом договора банковского счета кредитная организация не применяла специальное повышенное комиссионное вознаграждение за перечисление денежных средств третьим лицам.

Указанное комиссионное вознаграждение было установлено банком после открытия счета общества и, таким образом, условия ведения счета клиента были изменены банком в одностороннем порядке. Именно это действие, равно как и последующая реализация измененного условия, подлежит судебной оценке.

Имея намерение перечислить денежные средства контрагенту в размере 13 300 000 руб., общество столкнулось с необходимостью уплатить кредитной организации в качестве комиссионного вознаграждения 1 330 000 руб., что сопоставимо с годовым доходом, который исходя из ключевой ставки Банка России мог быть получен клиентом банка от использования указанной суммы денежных средств в собственном обороте. При этом с учетом установленных банком тарифов в случае перечисления той же суммы денежных средств на счет, открытый юридическому лицу, комиссионное вознаграждение за совершение операции составило бы 6 руб. (если счет по-

лучателя открыт в том же банке) или 35 руб. (если счет получателя открыт в другом банке).

Таким образом, установленная банком комиссия за перевод денежных средств на счета физических лиц, в отличие от комиссий, применяемых к перечислению денежных средств в пользу юридических лиц, имеет очевидные признаки введенного в одностороннем порядке заградительного тарифа, препятствующего совершению законной банковской операции клиентом в ситуации, когда контрагентом клиента выступает физическое лицо.

Однако в нарушение положений ч. 1 ст. 65, ст. 71 и ч. 1 ст. 168 АПК РФ доводы истца о несоблюдении банком требований разумности и добросовестности при установлении в одностороннем порядке спорного тарифа не получили надлежащей оценки в состоявшихся по делу судебных актах.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 310-ЭС23-14161

24. Зачисление денежных средств на счет получателя и проверка соответствия реквизитов получателя средств, указанных в распоряжении плательщика, и данных владельца счета, на который производится зачисление, осуществляется банком получателя средств, а не банком плательщика.

На основании заключенного договора поставки покупатель получил счета на оплату оборудования, в которых указаны реквизиты поставщика (наименование получателя, ИНН, банк получателя средств, расчетный счет и др.).

Покупатель оплатил выставленные счета по указанным реквизитам в полном объеме через систему “Сбербанк онлайн”.

Ввиду неисполнения поставщиком обязательства по поставке товара покупатель принял решение об одностороннем отказе от исполнения договора и потребовал от поставщика возместить убытки в виде передачи оплаченного товара либо денежных средств.

Поставщик в ответ указал, что он не ведет деятельность по торговле указанным товаром, договор поставки не заключал, денежных средств от покупателя не получал.

Впоследствии выяснилось, что при перечислении денежных средств по распоряжению покупателя произошла подмена получателя средств с поставщика на иное юридическое лицо с таким же наименованием, но иным ИНН. Денежные средства были зачислены на расчетный счет этого юридического лица, открытый в банке ВТБ.

Указанные обстоятельства послужили основанием для обращения покупателя в суд с иском к получателю денежных средств о взыскании неосновательного обогащения, к банку ВТБ и Сбербанку России о взыскании убытков в солидарном порядке.

Решением суда первой инстанции требование покупателя в части взыскания неосновательного обогащения удовлетворено, в удовлетворении иска о взыскании убытков отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением кассационного суда, решение суда отменено в части отказа в удовлетворении требований о солидарном взыскании с банков убытков, требования в указанной части удовлетворены.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление судов апелляционной и кассационной ин-

станций в части удовлетворения требования о взыскании со Сбербанка России убытков, решение суда первой инстанции в указанной части оставила в силе, постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в остальной части оставила без изменения, отметив следующее.

Согласно правовой позиции, сформулированной Верховным Судом РФ, исполнение поручения плательщика путем безналичного перечисления денежных средств на счет получателя, открытый в другом банке, осуществляется путем принятия и проверки банком плательщика поручения его клиента и передачи этого поручения банку получателя для зачисления денежных средств на счет указанного плательщиком получателя.

Ненадлежащее исполнение поручения плательщика, в том числе путем зачисления денежных средств банком получателя на счет другого лица, влечет солидарную ответственность банка получателя.

При этом исходя из положений п. 3 ст. 49 ГК РФ и подп. “о” п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ “О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей” содержащиеся в ЕГРЮЛ сведения об ИНН юридического лица, в отличие от номера его расчетного счета в банке, являются открытыми, общедоступными и могут быть проверены плательщиком, поручающим банку перечислить денежные средства на счет данного юридического лица.

Таким образом, банк, принявший к исполнению платежное поручение о переводе денежных средств юридическому лицу с определенным ИНН, обязан совершить операцию по переводу денежных средств по распоряжению плательщика именно этому юридическому лицу либо обратить внимание плательщика на несоответствие платежного поручения установленным требованиям.

Соответственно, надлежащим образом исполнить поручение плательщика обязан и банк получателя денежных средств либо указать на несоответствие поручения установленным требованиям, в частности, если обозначенный плательщиком счет не принадлежит указанному плательщиком получателю денежных средств.

На основании изложенного, установив, что банк ВТБ как банк получателя денежных средств должным образом не проверил реквизиты, предоставленные покупателем для их перечисления, и произвел зачисление денежных средств на счет другого юридического лица, которое не было названо плательщиком в качестве получателя этих средств, суды апелляционной и кассационной инстанций пришли к обоснованному выводу о ненадлежащем исполнении поручения покупателя банком получателя — банком ВТБ, которое привело к возникновению у покупателя спорных убытков, и правомерно удовлетворили его требования в соответствующей части.

Вместе с тем, возлагая солидарную ответственность как на банк получателя (банк ВТБ), так и на банк плательщика (Сбербанк России), суды апелляционной и кассационной инстанций не учли, что в соответствии с п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 апреля 1999 г. № 5 “О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с заключением, исполнением и расторжением договоров банковского счета”, согласно ст. 865 ГК РФ банк плательщика обязан перечислить соответствующую сумму банку получателя, у которого с момента зачисления средств на его корреспондент-

ский счет и получения документов, являющихся основанием для зачисления средств на счет получателя, появляется обязательство, основанное на договоре банковского счета с получателем средств, по зачислению суммы на счет последнего (п. 1 ст. 845 ГК РФ). Поэтому при разрешении споров следует принимать во внимание, что обязательство банка плательщика перед клиентом по платежному поручению считается исполненным в момент надлежащего зачисления соответствующей денежной суммы на счет банка получателя, если договором банковского счета клиента и банка плательщика не предусмотрено иное.

При этом в силу п. 2 ст. 866 ГК РФ в случаях, если неисполнение или ненадлежащее исполнение платежного поручения имело место в связи с нарушением банком-посредником или банком получателя средств правил перевода денежных средств или договора между банками, ответственность перед плательщиком может быть возложена судом на банк-посредник или банк получателя средств, которые в этом случае отвечают перед плательщиком солидарно. Банк плательщика может быть привлечен к солидарной ответственности в указанных случаях, если он осуществил выбор банка-посредника.

Как следует из материалов дела, Сбербанк России как банк плательщика исполнил обязательства по проверке распоряжений покупателя на перечисление денежных средств, а именно: установил право распоряжаться денежными средствами, установил достаточность средств на счете и провел проверку соответствия распоряжения установленным требованиям, в том числе произвел контроль целостности распоряжений, структурный контроль и контроль значений реквизитов. Распоряжения покупателя исполнены банком плательщика (Сбербанком России) надлежащим образом в день их поступления путем перечисления денежных средств в банк получателя — банк ВТБ.

Таким образом, с момента перечисления денежных средств на счет банка получателя средств (банк ВТБ) обязательства банка плательщика (Сбербанка России) по исполнению распоряжений предпринимателя исполнены в полном объеме.

Зачисление денежных средств на счет получателя и проверка соответствия реквизитов получателя средств, указанных в распоряжении плательщика, и данных владельца счета, на который производится зачисление, производится банком получателя средств (банком ВТБ), а не банком плательщика (Сбербанком России).

При этом у Сбербанка России, как у банка плательщика, отсутствовала возможность получения сведений по счету юридического лица, находящегося в другом банке (банке ВТБ), и Сбербанк России в силу закона не мог произвести проверку правильности заполнения покупателем реквизитов получателя средств (ИНН, наименование и номер счета получателя) или отказать покупателю в проведении платежа на основании противоречивости таких реквизитов.

С учетом изложенного у судов апелляционной и кассационной инстанций отсутствовали основания для привлечения Сбербанка России к солидарной ответственности в виде возмещения причиненных убытков за нарушение банком получателя (банком ВТБ) порядка сверки реквизитов владельца счета с данными платежного поручения перед зачислением денежных средств на счет получателя.

Определение № 304-ЭС23-9987

Практика применения законодательства о страховании

25. Расходы, понесенные страхователем в связи с оплатой труда работников, занимающихся ликвидацией последствий страхового случая, входят в состав убытков страховой компании, выплатившей страховое возмещение, и могут быть взысканы в порядке суброгации.

В результате железнодорожной аварии (крушение грузового поезда) было повреждено в числе прочего недвижимое имущество, принадлежавшее ОАО «Российские железные дороги» (далее — ОАО «РЖД») и застрахованное страховым обществом. Страховое общество, признав случай страховым, осуществило выплату страхового возмещения.

Размер страхового возмещения определен на основании заключения по проведению работ, связанных с расчетом ущерба при наступлении случая, обладающего признаками страхового (далее — заключение), в соответствии с условиями договора на оказание услуг по страхованию имущества. В состав убытков ОАО «РЖД» в числе прочего включены расходы, понесенные страхователем в связи с оплатой труда работников, привлеченных к выполнению аварийно-восстановительных работ, отчислениями на социальные нужды, накладными расходами, исчисляемыми в процентах от фонда оплаты труда названных работников.

Ссылаясь на то, что авария, в результате которой было повреждено застрахованное имущество ОАО «РЖД», произошла по вине компании, страховое общество обратилось к ней с претензией о возмещении убытков в порядке суброгации в размере произведенной страховой выплаты, которая не была удовлетворена. Указанное обстоятельство явилось основанием для обращения страхового общества в суд с соответствующим заявлением.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, заявленные требования частично удовлетворены, размер подлежащих возмещению убытков существенно снижен.

Суды исходили из того, что оплата труда работников и страховые выплаты являются не убытками истца как субъекта гражданских правоотношений, а его законодательно установленными расходами как работодателя, в связи с чем исключили из состава убытков оплату труда работников ОАО «РЖД», отчисления на социальные нужды и накладные расходы фонда оплаты труда.

Рассматривая кассационную жалобу страхового общества, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала следующее.

Согласно п. 2 ст. 15 ГК РФ под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом (абз. 2 п. 2 ст. 393 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 24 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» (далее — Закон № 17-ФЗ) владелец инфраструктуры и перевозчик принимают незамедлительные меры по ликвидации последствий транспортных происшествий, стихийных бедствий (завалов, наводнений, пожаров и других), вызывающих нарушение работы железнодорожного транспорта.

Для принятия указанных в данном пункте статьи мер владелец инфраструктуры и перевозчик за счет собственных средств должны содержать специализированные подразделения по ликвидации чрезвычайных ситуаций, иметь запас материальных и технических средств, перечень которых определяется федеральным органом исполнительной власти в области железнодорожного транспорта по согласованию с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, или заключить соответствующие договоры со сторонними специализированными организациями.

Наличие установленных Законом № 17-ФЗ обязанностей содержать специализированные подразделения по ликвидации чрезвычайных ситуаций, иметь запас материальных и технических средств, как и закрепление в Трудовом кодексе РФ и Налоговом кодексе РФ обязанностей соответствующих лиц по оплате труда работников и осуществлению страховых выплат, по смыслу обозначенного выше Закона, а также норм Гражданского закона РФ не может влечь освобождение причинителя вреда от гражданско-правовой ответственности в связи с возникновением по его вине чрезвычайной ситуации при эксплуатации железнодорожного транспорта и убытков у владельца инфраструктуры и/или перевозчика. В противном случае будет нарушен принцип полного возмещения вреда, а причинитель вреда без законных оснований освобождался бы от ответственности за убытки, причиненные его противоправным и виновным поведением.

Судам следовало определить, какие выплаты и отчисления из числа указанных в заключении могли быть произведены страхователем в обычных условиях, не связанных с рассматриваемым случаем, а какие обусловлены исключительно принятием владельцем инфраструктуры и/или перевозчиком незамедлительных мер по ликвидации последствий транспортных происшествий, имея в виду, что работники разных подразделений и специализаций страхователя могли быть отвлечены от своих трудовых обязанностей в местах их ежедневного исполнения, от плановых работ, выполнение которых по смыслу Закона № 17-ФЗ обеспечивает безопасные для жизни и здоровья пассажиров условия проезда, а также безопасность перевозок грузов, багажа, грузобагажа, движения и эксплуатации железнодорожного транспорта и экологическую безопасность (п. 2 ст. 20 Закона № 17-ФЗ).

Суды при рассмотрении данного дела в нарушение требований ст.ст. 71, 168 и 170 АПК РФ не дали правовой оценки доводам истца о том, что использование работников в случаях принятия незамедлительных мер по ликвидации последствий транспортных происшествий, имевших место по вине третьих лиц, в обычной хозяйственной деятельности может лишать страхователя положительного эффекта от результатов труда его работников, направленных в том

числе на обеспечение основного вида деятельности юридического лица, получение прибыли или препятствовать своевременному исполнению обязательств перед контрагентами и т.п.

В связи с этим и исходя из доводов сторон о размере убытков суды должны были определить необходимость, разумность и соразмерность всех понесенных расходов, оплаченных страховщиком в выплаченном страховом возмещении, с тем чтобы это не приводило к нарушению баланса прав и законных интересов сторон.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-17347

26. Если условиями договора имущественного страхования сумма НДС включена в расчет итоговой суммы убытков страхователя (выгодоприобретателя), то она подлежит учету при определении размера подлежащего выплате страхового возмещения.

Общество является выгодоприобретателем по договору страхования имущества, заключенного между компанией и страховой организацией в отношении имущества (двигатель, находящийся в составе газоперекачивающего агрегата), арендуемого обществом по договору аренды имущества.

В связи с аварийной остановкой работы двигателя общество уведомило страховщика о событии, имеющем признаки страхового случая, и заключило с подрядчиком договор на проведение аварийно-восстановительного ремонта двигателя до работоспособного состояния, предшествующего аварии. По результатам выполненных работ общество оплатило их стоимость в полном объеме, включая сумму НДС.

Впоследствии общество обратилось к страховщику с требованием о выплате страхового возмещения по указанному страховому случаю в размере стоимости выполненных работ, которое не было удовлетворено, в связи с чем общество предъявило в суд соответствующий иск.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением кассационного суда, решение суда изменено, в пользу общества со страховщика взыскана сумма страхового возмещения без учета НДС.

Суды посчитали, что наличие у потерпевшей стороны права на вычет или возврат сумм НДС исключает уменьшение имущественной сферы лица в части данных сумм и, соответственно, исключает применение ст. 15 ГК РФ в соответствующей части. Суды пришли к выводу, что общество не представило доказательств того, что заявленная ко взысканию сумма НДС является для него некомпенсируемыми потерями (убытками), указав, что в данном случае ни заключенный между компанией и страховщиком договор, ни установленные страховщиком правила страхования не содержат условий, в соответствии с которыми НДС подлежит обязательному возмещению обществу, независимо от возможности принятия его к вычету по данному налогу.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции, отметив следующее.

Сумма, в пределах которой страховщик обязуется выплатить страховое возмещение по договору имущественного страхования или которую он обязуется выплатить по договору личного страхования (страховая сумма), определяется соглашением страхователя со страховщиком в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 947 ГК РФ, согласно которым при страховании имущества или предпринимательского риска, если договором страхования не предусмотрено иное, страховая сумма не должна превышать их действительную стоимость (страховой стоимости). Такой стоимостью для имущества считается его действительная стоимость в месте его нахождения в день заключения договора страхования (п. 2 ст. 947 ГК РФ).

В силу ст. 948 ГК РФ и п. 2 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 “Об организации страхового дела в Российской Федерации” стороны не могут оспаривать страховую стоимость имущества, определенную договором страхования, за исключением случая, если страховщик докажет, что он был намеренно введен в заблуждение страхователем.

Таким образом, вопрос согласования страхового возмещения находится на усмотрении сторон договора страхования и должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами. Страховщик не вправе отказать в страховой выплате или произвести ее уменьшение по основаниям, не предусмотренным законом или договором страхования.

Судами установлено, что по условиям договора страхования имущества страховщик в пределах установленных лимитов и подлимитов ответственности страховой компании возмещает при любых убытках по любым страховым случаям суммы налога на добавленную стоимость, предъявленные к оплате страхователю (выгодоприобретателю) или уже им оплаченные как в процессе ремонта поврежденного в результате страхового случая имущества, так и в процессе приобретения имущества, в том числе взамен погибшего/утраченного.

Указанный пункт договора страхования имущества и иные положения договора не содержат условия, согласно которому сумма страхового возмещения может быть уменьшена при возможности страхователя (выгодоприобретателя) в соответствии с положениями НК РФ применить к вычету суммы НДС, уплаченные подрядчику в стоимости аварийно-восстановительных работ.

С учетом приведенных выше положений законодательства, условий заключенного договора страхования и установленных фактических обстоятельств дела сумма НДС правомерно отнесена судом первой инстанции к убыткам общества и учтена при определении размера подлежащего выплате страхового возмещения.

В свою очередь, вывод судов апелляционной и кассационной инстанций о необходимости исключения суммы НДС из состава страхового возмещения является ошибочным, так как не соответствует требованиям норм материального права, подлежащим применению по делу, и приведенным условиям договора страхования имущества. Следовательно, оснований для изменения решения суда первой инстанции по делу не имелось.

Определение № 305-ЭС23-18494

Практика применения законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг

27. При рассмотрении вопроса об уменьшении объема безучетно потребленного ресурса потребитель вправе доказывать именно фактический объем потребления, а не объем, определенный иными расчетными способами, в частности по среднемесячному потреблению за предшествующие периоды.

По результатам проверки на объекте индивидуального предпринимателя обществом (энергоснабжающая организация) составлен акт о неучтенном (безучетном) потреблении электроэнергии от 4 августа 2021 г. На объекте обнаружено несоответствие свинцовой пломбы на корпусе прибора учета оттиску пломбы государственной поверки, а также повреждение пломбы.

Согласно расчету объема безучетного потребления электроэнергии от 4 августа 2021 г. последняя проверка состоялась 23 сентября 2020 г., в связи с чем стоимость безучетного потребления рассчитана по подп. “а” п. 1 приложения к Основным положениям функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденным постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (далее — Основные положения), исходя из максимальной мощности энергопринимающих устройств потребителя и максимального количества часов в расчетном периоде.

Полагая, что величина ответственности абонента за нарушение правил пользования энергией ввиду ее чрезмерности может быть уменьшена, индивидуальный предприниматель обратился в арбитражный суд с иском к обществу о признании недействительным акта о неучтенном (безучетном) потреблении электрической энергии в части расчета объема безучетного потребления электрической энергии.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда и суда округа, исковые требования удовлетворены, акт признан недействительным в части расчета объема безучетного потребления электрической энергии.

Суды пришли к выводу о возможности снижения размера штрафной санкции до стоимости оплаченной истцом электроэнергии в спорном периоде.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые по делу судебные акты, указав следующее.

Законодательством приоритет отдан учетному способу определения объема потребленной энергии (ст. 544 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 543 ГК РФ абонент по договору энергоснабжения обязан обеспечивать надлежащее техническое состояние и безопасность эксплуатируемых энергетических сетей, приборов и оборудования, соблюдать установленный режим потребления энергии, а также немедленно сообщать энергоснабжающей организации об авариях, о пожарах, неисправностях приборов учета энергии и об иных нарушениях, возникающих при пользовании энергией.

Порядок учета электрической энергии и взаимодействия участников розничного рынка электроэнергии при выявлении безучетного потребления электроэнергии регулируются Основными положениями.

В данном случае факт безучетного потребления электроэнергии подтвержден. Разногласия сторон свелись к вопросу о возможности умень-

шения штрафной санкции за безучетное потребление ресурса.

Пунктом 187 Основных положений предусмотрено, что объем безучетного потребления в отношении потребителей электрической энергии (мощности), за исключением населения и приравненных к нему категорий потребителей, определяется с применением расчетного способа, предусмотренного подп. “а” п. 1 приложения к данному документу, т.е. как произведение величины максимальной мощности энергопринимающих устройств в соответствующей точке поставки, предусмотренной договором, на количество часов в расчетном периоде, используемое при расчете безучетного потребления, но не более 4380 часов.

Приведенное нормативное регулирование способа исчисления объема ресурса обусловлено спецификой правоотношений по его потреблению путем использования присоединенной сети и направлено на компенсацию поставщику стоимости ресурса, отобранного из сетей недобросовестным потребителем в ситуации, не позволяющей достоверно установить количество отобранного.

Предполагается, что действия потребителя по повреждению пломб и знаков визуального контроля являются следствием вмешательства в работу прибора учета с целью сокрытия фактического объема потребления ресурса, которое может быть максимальным применительно к техническим характеристикам сетей и энергопринимающего оборудования. В связи с этим в п. 187 Основных положений установлена презумпция максимального потребления ресурса, определяемого расчетным способом, который при безучетном потреблении призван обеспечить защиту интересов добросовестной стороны (поставщика) и третьих лиц (потребителей, получающих ресурс из тех же сетей) от недобросовестных действий другой стороны (ст. 10 ГК РФ, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”).

Такая мера превентивно направлена на предотвращение бесконтрольного (безучетного) потребления и возложение на потребителя, допустившего противоправное поведение, максимальной финансовой нагрузки в пределах величины, рассчитанной по нормативно установленной формуле.

В п. 11 Обзора судебной практики по спорам об оплате неучтенного потребления воды, тепловой и электрической энергии, поставленной по присоединенной сети, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 22 декабря 2021 г., содержатся разъяснения о том, что при доказанности потребителем объема фактического потребления (например, на основании прибора учета, не вызывающего сомнений в достоверности его показаний, либо с применением в формуле числа часов использования воды при очевидной работе объекта только в определенные часы и отсутствии на объекте пользователей ресурсом) разница между стоимостью объема ресурса, рассчитанного по нормативной формуле, и стоимостью фактического потребления является мерой гражданско-правовой ответственности, размер которой может быть снижен в случае ее чрезмерности.

В отсутствие же доказательств объема фактического потребления энергии следует исходить из того, что стоимость расчетного объема неучтенного потребления, исчисленная исходя из предельных технических характеристик энергоприни-

мающих устройств абонента, заменяет объем фактического потребления и не подлежит снижению.

По смыслу приведенной правовой позиции потребитель вправе доказывать именно фактический объем потребления, а не объем, определенный иными расчетными способами, в частности по среднемесячному потреблению за предшествующие периоды.

Поскольку предпринимателем не опровергнута презумпция потребления электроэнергии в объеме, определенном обществом по установленной Основными положениями формуле, суды неправомочно применили положения ст. 333 ГК РФ и уменьшили размер платы за безучетно потребленный ресурс.

В связи с изложенным Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отказала в удовлетворении иска индивидуального предпринимателя.

Определение № 302-ЭС23-16868

28. Садоводческое, огородническое некоммерческое товарищество, на территории которого гражданин ведет садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке, не вправе препятствовать сетевой организации в осуществлении технологического присоединения энергопринимающего устройства этого гражданина в случае заключения им с сетевой организацией договора об осуществлении технологического присоединения к ее сетям или об увеличении максимальной мощности указанного устройства.

Гражданину принадлежит жилой дом на земельном участке, расположенном в границах территории кооператива.

Между компанией (сетевая организация) и гражданином (заявитель) заключен договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям на увеличение мощности до 15 кВт в отношении энергопринимающих устройств (далее — ЭПУ) жилого дома, которые ранее были опосредованно технологически присоединены к объектам электросетевого хозяйства (далее — ОЭХ) сетевой организации через электрические сети (далее — ЭС) кооператива. Компания выдала заявителю технические условия для присоединения к ЭС сетевой организации.

Впоследствии компания обратилась к кооперативу с запросом на согласование увеличения мощности энергопринимающих устройств жилого дома гражданина до 15 кВт, получение ответа на который послужило основанием для обращения компании в арбитражный суд с иском к кооперативу об обязании согласовать технологическое присоединение ЭПУ гражданина и обеспечить доступ для осуществления опосредованного технологического присоединения ЭПУ гражданина через сети кооператива.

Отказывая в иске, суд первой инстанции пришел к выводу о недоказанности наличия у ответчика технической возможности электроснабжения гражданина на заявленных условиях при сохранении прежних условий электроснабжения потребителей, ЭПУ которых на момент подачи заявки уже были опосредованно присоединены к электрическим сетям сетевой организации через ОЭХ ответчика.

Отменяя решение и удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции, выводы которого поддержал суд округа, пришел к выводу о том, что независимо от наличия или отсутствия технической возможности на дату обращения физического лица в целях технологического присоединения ЭПУ с максимальной мощностью до 15 кВт вклю-

чительно сетевая организация обязана выполнить в отношении этого лица мероприятия по технологическому присоединению и урегулировать с иными лицами отношения, возникающие при осуществлении технологического присоединения, тогда как садоводческие, огороднические некоммерческие товарищества (далее — СНТ) не вправе препятствовать сетевой организации в осуществлении технологического присоединения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

С 2015 года действие Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее — Правила технологического присоединения), распространяется на случаи присоединения к сетям сетевых организаций впервые вводимых в эксплуатацию, ранее присоединенных ЭПУ и ОЭХ, принадлежащих СНТ либо его членам, а также гражданам, ведущим садоводство, огородничество или дачное хозяйство в индивидуальном порядке на территории СНТ, и иным лицам, расположенным на территории СНТ, в целях увеличения максимальной мощности указанных ЭПУ.

В настоящее время Правила технологического присоединения предусматривают различный порядок осуществления мероприятий по увеличению максимальной мощности ЭПУ указанных граждан в зависимости от того, к кому из владельцев ОЭХ — сетевой организации или СНТ — эти граждане обращаются с заявкой в целях увеличения мощности.

В первом случае при подаче гражданами названной заявки непосредственно в сетевую организацию в соответствии с п. 8(5) Правил технологического присоединения увеличение максимальной мощности ЭПУ указанных граждан осуществляется сетевой организацией самостоятельно в общем порядке, т.е. с обеспечением с ее стороны технической возможности технологического присоединения и с выдачей новых технических условий. В этом случае Правила технологического присоединения не наделяют СНТ правом давать сетевой организации согласие на такое увеличение, а сетевую организацию, соответственно, не уполномочивают согласовывать с СНТ увеличение мощности ЭПУ названных граждан.

Во втором случае при обращении гражданина за увеличением мощности в СНТ последнее в соответствии с п. 40(4) названных Правил вправе присоединить к принадлежащим ему объектам ЭПУ других потребителей только с согласия сетевой организации и при условии соблюдения выданных ранее технических условий. Такой порядок означает необходимость перераспределения товариществом максимальной мощности принадлежащих ему ЭПУ в пользу ЭПУ указанного гражданина (п. 40(5) Правил).

Таким образом, обращаясь с данным иском, компания не имела оснований истребовать согласие кооператива на увеличение мощности ЭПУ гражданина, а кооператив, в свою очередь, в возражение против иска не имел оснований ссылаться на недостаточность ранее выделенной ему мощности, поскольку заключенный истцом с

третьим лицом договор и выданные на его основании технические условия как раз и предполагали дополнительное выделение компанией 5 кВт мощности для ЭПУ гражданина.

Таким образом, у суда первой инстанции отсутствовали основания для проверки наличия технической возможности технологического присоединения ЭПУ гражданина, заключившего с сетевой организацией договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям на увеличение мощности до 15 кВт в отношении ЭПУ жилого дома, которые ранее были технологически присоединены к ОЭХ сетевой организации через электрические сети кооператива. Следовательно, судом апелляционной инстанции обоснованно удовлетворено требование компании об обязанности не чинить препятствий и обеспечить доступ в электроустановки кооператива для осуществления опосредованного технологического присоединения энергопринимающих устройств гражданина.

В то же время в целях проверки поступившего в ходе судебного заседания заявления компании о том, что увеличение мощности ЭПУ гражданина на 5 кВт осуществлено кооперативом самостоятельно за счет ранее выделенной ему мощности и оплачено гражданином в адрес кооператива после удовлетворения иска компании, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-18030

29. По общему правилу, в период действия моратория финансовые санкции не начисляются только на требования, возникшие до введения такого моратория.

Общество (поставщик) обратилось в арбитражный суд с иском к предприятию (потребитель) о взыскании задолженности по договору энергоснабжения от 1 января 2022 г. за апрель 2022 г. и неустойки за период с 19 мая 2022 г. по 14 сентября 2022 г. с последующим ее начислением по день фактической уплаты долга.

Установив факт поставки истцом в апреле 2022 г. электрической энергии и ненадлежащее исполнение ответчиком обязательств по ее оплате, суд первой инстанции удовлетворил исковые требования.

Проверив расчет неустойки за период с 19 мая 2022 г. по 14 сентября 2022 г., суд не усмотрел оснований для применения моратория, введенного постановлением Правительства РФ от 28 марта 2022 г. № 497 “О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами” (далее — постановление № 497), поскольку задолженность, на которую начислена неустойка, возникла после введения моратория.

Постановлением арбитражного апелляционного суда, оставленным без изменения судом округа, решение суда первой инстанции изменено, с предприятия в пользу общества взыскана задолженность, а также неустойка начиная с 1 октября 2022 г. по день фактической оплаты электроэнергии.

Изменяя решение суда первой инстанции, суд исходил из того, что разрешение вопроса о применении положений постановления № 497 в части начисления финансовых санкций не зависит от момента возникновения (просрочки исполнения) обязательств.

Судом апелляционной инстанции проведена аналогия с мораторием, связанным с распространением коронавирусной инфекции и введенным

в 2020 году постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 424 “Об особенностях предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов” (далее — постановление № 424).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной инстанции и округа, решение суда первой инстанции оставила в силе, указав следующее.

Согласно ст. 9¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” для обеспечения стабильности экономики в исключительных случаях Правительство РФ вправе ввести мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, на срок, устанавливаемый Правительством РФ.

Постановлением № 497 на территории Российской Федерации сроком на шесть месяцев введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами, в отношении юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей.

На основании п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 44 “О некоторых вопросах применения положений статьи 9¹ Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” в период действия моратория проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ), неустойка (ст. 330 ГК РФ), пени за просрочку уплаты налога или сбора (ст. 75 НК РФ), а также иные финансовые санкции не начисляются на требования, возникшие до введения моратория, к лицу, подпадающему под его действие (подп. 2 п. 3 ст. 9¹, абз. 10 п. 1 ст. 63 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”).

Таким образом, по общему правилу, в период действия моратория финансовые санкции не начисляются только на требования, возникшие до введения моратория.

Поскольку в данном случае требование об оплате задолженности за потребленную в апреле 2022 г. электроэнергию возникло у общества после введения моратория, неустойка за несвоевременную уплату спорной задолженности подлежала начислению в обычном порядке, без исключения мораторного периода.

Ссылка апелляционного суда и суда округа на постановление № 424 является ошибочной, поскольку названное постановление носит специальный характер и применяется только к обстоятельствам, послужившим основанием для введения конкретного моратория. Например, после введения моратория в марте 2022 г. постановлением Правительства РФ от 26 марта 2022 г. № 474 (в том числе в последующей редакции) не установлены ограничения на начисление пеней на задолженность по оплате за жилое помещение и коммунальные услуги, возникшую после 1 апреля 2022 г.; определена лишь наименьшая ключевая ставка Банка России для расчета неустойки. Применение моратория на начисление неустойки по обязательствам, возникшим после 1 апреля 2022 г., к лицам, участвующим в правоотношениях, сходных с рассматриваемыми в данном споре, нормативными актами не предусматривалось.

Определение № 306-ЭС23-14467

Практика применения законодательства в области защиты персональных данных

30. Финансовый управляющий вправе требовать во внесудебном порядке предоставления договоров и иных документов, являвшихся основанием для отчуждения имущества должника.

Финансовый управляющий в рамках дела о банкротстве физического лица направил в управление внутренних дел субъекта Российской Федерации запрос о предоставлении сведений о наличии зарегистрированных и снятых с учета транспортных средств и прицепов к ним с предоставлением копий документов, подтверждающих регистрационные действия.

Управление предоставило финансовому управляющему сведения о зарегистрированном на имя должника автомобиле, а также о зарегистрированном и снятом с учета транспортном средстве. В предоставлении копий документов, на основании которых совершены регистрационные действия, отказано по причине содержания в них персональных данных иных лиц, которые не могут быть раскрыты третьим лицам без согласия субъекта персональных данных (ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ “О персональных данных”, далее также — Закон № 152-ФЗ).

Считая отказ в предоставлении испрашиваемых копий документов незаконным, финансовый управляющий обратился в суд с заявлением о возложении соответствующей обязанности на управление внутренних дел субъекта Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда кассационной инстанции решение суда и постановление апелляционного суда отменены, в удовлетворении заявления отказано ввиду наличия у управления правовых оснований для отказа в предоставлении финансовому управляющему запрошенных документов.

Суд указал, что информация, содержащая персональные данные физического лица, в отсутствие согласия последнего на ее передачу выдается финансовому управляющему, если в резолютивной части определения арбитражного суда, которым в деле о банкротстве гражданина утвержден финансовый управляющий, указано на истребование судом таких сведений у соответствующего подразделения органов внутренних дел и выдачу этих сведений финансовому управляющему. При отсутствии в судебном акте таких указаний предоставление соответствующей информации о гражданах производится лишь на основании определения арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве гражданина.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление апелляционного суда, указав следующее.

В целях осуществления возложенных на него обязанностей арбитражный управляющий осуществляет действия, направленные на формирование конкурсной массы: анализирует сведения о должнике, выявляет имущество гражданина, в том числе находящееся у третьих лиц, обращается с исками о признании недействительными подозрительных сделок и сделок с предпочтением по основаниям, предусмотренным ст.ст. 61² и 61³ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон

№ 127-ФЗ), об истребовании или о передаче имущества гражданина, истребует задолженность третьих лиц перед гражданином и т.п. (п. 2 ст. 129, пп. 7 и 8 ст. 213⁹, пп. 1 и 6 ст. 213²⁵ Закона № 127-ФЗ), что в конечном счете направлено на формирование конкурсной массы, за счет которой подлежат удовлетворению требования кредиторов гражданина.

Для достижения данных целей положения абз. 10 п. 1 ст. 20³ Закона № 127-ФЗ наделяют арбитражного управляющего правом запрашивать во внесудебном порядке необходимые сведения о должнике, о лицах, входящих в состав органов управления должника, о контролирующих лицах, о принадлежащем им имуществе (в том числе имущественных правах), о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов, органов управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органов местного самоуправления, включая сведения, составляющие служебную, коммерческую и банковскую тайну. Физические лица, юридические лица, государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами Российской Федерации и органы местного самоуправления обязаны предоставить запрошенные арбитражным управляющим сведения в течение семи дней со дня получения запроса без взимания платы.

Таким образом, положения указанной статьи наделяют арбитражных управляющих полномочиями получать соответствующую информацию без предварительного обращения в арбитражный суд, запрашивая ее напрямую у лиц, имеющих доступ к такой информации или осуществляющих ее хранение.

Применительно к банкротству граждан приведенные положения дополнительно детализированы в абз. 1 п. 7 ст. 213⁹ Закона № 127-ФЗ, согласно которому финансовый управляющий вправе получать информацию об имуществе гражданина, а также о счетах и вкладах (депозитах) гражданина, в том числе по банковским картам, об остатках электронных денежных средств и о переводах электронных денежных средств от граждан и юридических лиц (включая кредитные организации), от органов государственной власти, органов местного самоуправления.

Вместе с тем праву управляющего на получение информации корреспондирует его обязанность в случае, если иное не установлено Законом № 127-ФЗ, сохранять конфиденциальность сведений, составляющих охраняемую законом тайну и ставших ему известными в связи с исполнением обязанностей арбитражного управляющего. За разглашение сведений, составляющих личную, коммерческую, служебную, банковскую, иную охраняемую законом тайну, финансовый управляющий несет гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность. Финансовый управляющий обязан возместить вред, причиненный в результате разглашения финансовым управляющим сведений, составляющих личную, коммерческую, служебную, банковскую, иную охраняемую законом тайну (п. 3 ст. 20³ и п. 10 ст. 213⁹ Закона № 127-ФЗ). Из этого следует, что законодательством предусмотрены значительные гарантии прав третьих лиц, информация о которых стала известна управляющему.

Таким образом, из приведенных положений Закона № 127-ФЗ следует, что арбитражному управляющему предоставлено право на получение информации в отношении принадлежащих соответствующему должнику объектов движимого и

недвижимого имущества. Для проведения всего комплекса мероприятий по формированию конкурсной массы управляющий, помимо прочего, должен располагать информацией о судьбе имущества, отчужденного должником.

В рассматриваемом случае финансовому управляющему была необходима информация о наличии зарегистрированных и снятых с учета на имя должника-гражданина автотранспортных средств и прицепов к ним (при наличии) с предоставлением копий документов, подтверждающих регистрационные действия.

Документы, связанные с предшествующим банкротству изменением состояния имущественной массы должника, т.е. о движении активов, об их приобретении и отчуждении, безусловно необходимы финансовому управляющему для осуществления возложенных на него обязанностей. В частности, без экземпляра договора, на основании которого было отчуждено транспортное средство, арбитражный управляющий лишен возможности проанализировать такую сделку на предмет наличия признаков причинения вреда кредиторам, а также при наличии таковых оспорить сделку ввиду отсутствия сведений о личности ответчика.

При этом вопреки выводам суда округа, сославшегося на Закон № 152-ФЗ, из положений данного Федерального закона следует, что обработка персональных данных без согласия субъекта персональных данных допускается в случае, если она необходима для достижения целей, предусмотренных законом, осуществления правосудия, исполнения судебного акта (пп. 2, 3 ч. 1 ст. 6 Закона № 152-ФЗ). В данном случае такими целями являются цели, предусмотренные Законом № 127-ФЗ.

Вывод суда округа о невозможности передачи документов ввиду наличия в них сведений о третьих лицах ошибочен и по той причине, что по смыслу п. 2 ст. 126, п. 7 ст. 213⁹ Закона № 127-ФЗ руководитель должника (при банкротстве организации) или гражданин-должник обязаны передать арбитражному управляющему все имеющиеся у них документы, в том числе по сделкам с контрагентами — третьими лицами. При этом закон не ставит исполнение обязанности по передаче документов в зависимость от получения согласия таких третьих лиц.

Кроме того, при банкротстве физического лица его гражданская дееспособность в определенном смысле ограничивается, в частности, он не вправе распоряжаться имуществом, подлежащим включению в конкурсную массу (в реструктуризации — без согласия управляющего либо утвержденного плана, в реализации — в принципе; ст.ст. 213⁹, 213¹¹, 213²⁵ Закона № 127-ФЗ). В таких условиях финансовый управляющий фактически становится законным представителем физического лица, а потому управляющему могут быть предоставлены документы и сведения в объеме, по крайней мере, не меньшем, чем тот, который вправе запросить гражданин лично.

С учетом изложенного суды первой и апелляционной инстанций правомерно удовлетворили заявление финансового управляющего, указав на отсутствие у управления правовых оснований для отказа в предоставлении полных сведений о зарегистрированных и прекращенных правах должника на объекты движимого имущества, включая копии документов, подтверждающие регистрационные действия.

Определение № 308-ЭС23-15786

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

31. Юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности наряду с должностным лицом, если у такого юридического лица имелась возможность для соблюдения законодательных норм и правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но оно не приняло для этого все зависящие от него меры к их соблюдению.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным и отмене постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, оспариваемое постановление признано не подлежащим исполнению в части назначения административного наказания в виде штрафа в размере, превышающем 49 356 руб. 60 коп., в удовлетворении остальной части требований отказано.

При этом суды исходили из того, что положениями Федерального закона от 13 июля 2022 г. № 235-ФЗ “О внесении изменений в статью 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” в ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ внесены изменения в части размера административного наказания, улучшающее положение лица, привлеченного к административной ответственности, в связи с чем пришли к выводу, что исполнение оспариваемого постановления в части размера штрафа, превышающего 49 356 руб. 60 коп., является незаконным.

Суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, ссылаясь на то, что вследствие выявленного правонарушения в рамках проведенной проверки к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 15.25 КоАП РФ, уже привлечено должностное лицо общества — директор с назначением наказания в виде штрафа. Таким образом, на общество распространяются правила, установленные ч. 4 ст. 2.1 КоАП РФ, в связи с чем оно не подлежит административной ответственности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда кассационной инстанции и оставила в силе решение суда и постановление апелляционного суда, обратив внимание на следующее.

Часть 4 ст. 2.1 КоАП РФ, введенная с 6 апреля 2022 г. Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 70-ФЗ “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”, предусматривает, что юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности, если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 2.1 КоАП РФ.

Исходя из ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП

РФ или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

Соответственно, по смыслу ч. 4 ст. 2.1 КоАП РФ в настоящее время юридическое лицо не подлежит административной ответственности, как это и ранее следовало из ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, в отсутствие вины, что для юридического лица означает, что им были приняты все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность.

При этом исходя из ряда актов Конституционного Суда РФ вина юридического лица в совершении административного правонарушения не тождественна вине соответствующего физического лица. Кроме того, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 21 июля 2021 г. № 39-П отмечается, что в отношении юридических лиц, как субъектов административной ответственности, КоАП РФ содержит специальную оговорку, согласно которой юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ).

В п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 июня 2004 г. № 10 “О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях” разъяснено, что выяснение виновности лица в совершении административного правонарушения осуществляется на основании данных, зафиксированных в протоколе об административном правонарушении, объяснений лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в том числе об отсутствии возможности для соблюдения соответствующих правил и норм, о принятии всех зависящих от него мер по их соблюдению, а также на основании иных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ.

Таким образом, позиция судов первой и апелляционной инстанций, основанная на оценке доказательств по делу, в соответствии с которой обществом не были приняты все зависящие от него меры по соблюдению правил и норм, за нарушение которых установлена административная ответственность, при наличии у него возможности для их соблюдения, означает, что у административного органа были основания для привлечения общества к административной ответственности.

С учетом изложенного у суда округа отсутствовали правовые основания для применения в отношении общества положений ч. 4 ст. 2.1 КоАП РФ.

Определение № 309-ЭС23-14677

Процессуальные вопросы

32. При неисполнении условий мирового соглашения, утвержденного определением суда, взыскатель вправе обратиться за присуждением судебной неустойки.

Между сторонами заключено мировое соглашение. Впоследствии кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением об установлении и о взыскании судебной неустойки за каждый день неисполнения должником определения суда, которым утверждено мировое соглашение.

Определением суда первой инстанции заявление кредитора удовлетворено. Суд исходил из от-

существования доказательств, подтверждающих исполнение должником судебного акта.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением суда округа, определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления кредитора отказано.

Суды указали на невозможность установления судебной неустойки для обеспечения исполнения обязательства, предусмотренного утвержденным определением суда мировым соглашением, недоказанность применения к должнику мер воздействия за неисполнение судебного акта в соответствии с Законом об исполнительном производстве (Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве”), а также на то, что факт неисполнения должником судебного акта не установлен судебным приставом-исполнителем.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные акты, указав следующее.

В определении об утверждении мирового соглашения воспроизводятся условия мирового соглашения. Тем самым ему придается характер юридически значимого документа, поскольку только утверждение судом мирового соглашения может повлечь за собой такое последствие, как обра-

щение этого соглашения в случае его неисполнения к принудительному исполнению по правилам раздела VII АПК РФ на основании исполнительного листа, выдаваемого арбитражным судом по ходатайству лица, заключившего мировое соглашение (ч. 2 ст. 142 АПК РФ).

Согласно ч. 1 ст. 15 АПК РФ к судебным актам арбитражного суда относятся судебный приказ, решение, постановление, определение.

В силу п. 1 ст. 308³ ГК РФ, ч. 4 ст. 174 АПК РФ арбитражный суд по требованию истца вправе присудить в его пользу денежную сумму, подлежащую взысканию с ответчика на случай неисполнения судебного акта.

Таким образом, суд апелляционной инстанции не учел, что определение об утверждении мирового соглашения является таким же оканчивающим рассмотрение дела по существу судебным актом, как и решение суда, и может быть исполнено принудительно; при неисполнении условий мирового соглашения взыскатель вправе обратиться за приговором судебной неустойки.

Определение № 306-ЭС23-17742

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
27 ноября 2024 г.)*

(Окончание в следующем номере)

НАЗНАЧЕНИЯ

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должности судей Верховного Суда Российской Федерации:

БУЛГАКОВА Олега Анатольевича (постановление от 11 декабря 2024 г. № 534-СФ);

ПЕРЕВЕРЗЕВУ Инну Николаевну (постановление от 11 декабря 2024 г. № 535-СФ);

ПЕТРУШКИНА Виталия Анатольевича (постановление от 11 декабря 2024 г. № 536-СФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Астахов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Дзыбан А.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Иваненко Ю.Г.**, **Момотов В.В.**,
Нефедов О.Н., **Петрова Т.А.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство “Юридическая литература”

Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 28.12.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 8,24. Тираж 6586 экз. Заказ 07-2025.

Отпечатано в ООО “СИНТЕРИЯ”.

127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
